

Роковой 1941-й: трагедия начала войны

М. Ю. Мягков*

Воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения силы: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей, всего до 5 млн. чел. В первом эшелоне действовали 153 дивизии и 19 бригад противника (4,4 млн. чел.)¹. На решающих направлениях своего наступления агрессор имел значительное превосходство в силах. Началась Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков. Она длилась 1418 дней и ночей. Развернулись гигантские сражения, в которых с обеих сторон участвовало до 10 и более миллионов человек, использовались сотни миллионов единиц вооружения и боевой техники.

Война фашистской Германии и ее союзников против СССР носила особый характер. Германский нацизм стремился не только захватить территорию СССР, но и свергнуть советский общественный строй, разобщить народы страны, онемечить часть населения, уничтожив при этом миллионы людей, сделать из бывшего Советского Союза свой сырьевой придаток, создав здесь немецкие колонии.

Планом «Барбаросса» предусматривалось внезапное нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью расколоть, окружить и уничтожить главные силы Красной Армии, находившиеся в западной части СССР, последующее стремительное продвижение в глубь страны и выход на линию Архангельск — Куйбышев — Астрахань.

Группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии, получила задачу при поддержке 1-го воздушного флота, разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз.

Группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной Армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву.

На киевском направлении была развернута группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), состоявшая из 6, 17, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой группы и венгерского корпуса (всего 57 дивизий и 13 бригад). Ей предстояло при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и 2 финские армии — всего 21 дивизия и 3 бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда².

В пяти советских приграничных округах (Ленинградский, Прибалтийский Особый, Западный Особый, Киевский Особый и Одесский) к началу войны находилось 186 дивизий, насчитывающие в общей сложности 3 млн. человек, 39 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и 9,1 тыс. самолетов³. Из них танков новых типов (КВ и Т-34) — 1475 шт., боевых самолетов новых типов — 1540 шт., хотя общее превосходство в количестве танков и самолетов было у советской стороны⁴. По сути, большинство советских механизированных дивизий являлись такими лишь на бумаге. В необходимых количествах в частях отсутствовали средства связи, что самым негативным образом сказалось на управлении войсками. Эти обстоятельства позволили противнику

* **Михаил Юрьевич Мягков** — доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

бить советские дивизии по одиночке, легко создавая на важных участках значительное численное превосходство. (Энциклопедия) Основная масса советских войск, в отличие от немецких, была рассредоточена в полосе 50 и более километров от границы и не приведена в боевую готовность. Средств для быстрого выдвижения на рубежи обороны было крайне мало, даже в механизированных дивизиях остро не хватало автомобилей и тягачей.

Первые месяцы войны были наиболее тяжелыми и трагическими для Красной Армии, всей страны. Западные границы прикрывали войска следующих фронтов, преобразованных 22–25 июня 1941 г. из военных округов: Северного (командующий генерал-лейтенант М. Попов), Северо-Западного (командующий генерал-полковник Ф. Кузнецов), Западного (командующий генерал армии Д. Павлов), Юго-Западного (командующий генерал-полковник М. Кирпонос) и Южного (командующий генерал армии И. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий контр-адмирал А. Головкин), Балтийский (командующий вице-адмирал В. Трибуц), и Черноморский (командующий вице-адмирал Ф. Октябрьский)⁵.

22 июня 1941 г. первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Немецкие войска вступали в бой полностью развернутыми, тогда как многие советские соединения продвигались к фронту в походных колоннах. Это давало германскому командованию дополнительное преимущество уничтожать противника по частям. Видимо помятуя о своих предупреждениях накануне войны, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков выделил в оперсводке № 1, выпущенной всего шесть часов спустя после начала агрессии, факт упреждения врагом наших войск в развертывании. В сухом документе, в частности, констатировалось: «В 4:00 22.06.1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками...»

1. Северный фронт: противник звеном самолётов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в р-н Ленинграда и Кронштадта...
2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл арт огонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шуляй... Наземные войска противника перешли в наступление — ведут удар в двух направлениях — основной из района Пиллналлен, Сувалки, Гольдан силами — 4 пд и 500 танков в направлении Олита и обеспечивающий главную группировку удара из района Тильзит на Таураге, Юрбаркас силами до 3–4 пехотных

дивизий с не выясненной группой танков. В результате пограничных боёв атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбаркас...

3. Западный фронт. В 4:20 до 60 самолётов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь... Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Гольнка, Домброва и из района Стколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боёв противнику удалось овладеть Гольнка и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении. В направлении Соколув, Волковыск идут напряжённые бои в районе Черемха. Своими действиями этих двух направлений противник, очевидно, стремится охватить Северо-Западную группировку фронта. Командующий фронта намечает контрудар в направлении Гольнка для уничтожения прорвавшегося противника...
4. Юго-Западный фронт. В 4:20 противник начал обстрел пулеметным огнём наших границ. С 4:30 самолёты противника ведут бомбардировку Любомль, Ковель, Луцк, Владимир — Волинск... В 4:35 после арт огня по району Владимир Волинск и Любомль наземные войска противника перешли границу развивая удар в направлении Владимир Волинск, Любомль и Крыстипороль. В 5:20 в районе Черновице у Карнешти противник также начал наступление... В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко... В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы. На Румынском участке в воздушных боях над Кишинёвом и Бельцами сбито 2 самолёта противника... Наземные войска противника на фронте Липканы — Рени пытались форсировать реку Прут, но были отбиты. По непроверенным данным противник в районе Картал высадил десант через Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшую границу части противника...»

Далее следовала фраза появившаяся, несомненно, под диктовку Жукова: «Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха». Подпись — начальника Генерального штаба⁶.

Особенно тяжелое положение сложилось в полосе Западного фронта под командованием генерала Д. Г. Павлова. Против него была развернута наиболее

мощная вражеская группировка — группа армий (ГА) «Центр» фельдмаршала Ф. Бока, сосредоточившая для первого удара (пока без 3-й танковой группы, действовавшей до 25 июня в полосе ГА «Север») 634,9 тыс. человек, 12,5 тыс. орудий и миномётов калибром свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолётов⁷. В дальнейшем, в наступление на западном направлении кроме 3-й танковой группы была введена 2-я полевая армия вермахта.

Западный Особый военный округ (с началом войны — Западный фронт) включал 3, 4, 10 и 13-ю армии, 4-й воздушно-десантный, 21 и 47-й стрелковые, а так же 17 и 20-й механизированные корпуса. Армии округа насчитывали в общей сложности 678 тыс. человек, 10 296 орудий и миномётов калибром свыше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолётов⁸.

Окружение основных сил Западного фронта летом 1941 года можно поставить в один ряд с наибольшими трагедиями русского оружия за всю историю его существования. С этой точки зрения глава, повествующая о гибели или пленении более чем 300 тыс. человек из группировки генерала армии Павлова может быть помещена в ту же черную книгу, где говорится о битве на реке Калке 1223 г. или окружении армии Самсонова в Восточной Пруссии летом 1914 г. Да, в годы Великой Отечественной войны были у нас и большие по численности потери, но трагедия Западного фронта случилась первой, и именно она во многом определила дальнейшее неблагоприятное развитие обстановки не только на важнейшем для страны западном направлении, но и на всем советско-германском фронте в целом. Где же заканчивается ответственность Сталина и его ближайшего окружения и начинается ответственность фронтового командования за поражение Западного фронта. Всего около 800 тыс. чел (из намеченных в случае полной мобилизации 5 млн. чел) пополнили в мае—июне 1941 г. дивизии западных округов и соединения, расположенные к востоку от линии Днепр — Западная Двина. 12 июня нарком обороны маршал С. К. Тимошенко отдал директивы о выдвижении к границе стрелковых дивизий, расположенных в тыловых районах приграничных округов. Однако из-за нехватки автотранспорта они передвигались к границе крайне медленно⁹. Постановлением политбюро от 21 июня 1941, армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на линию Днепр — Западная Двина, объединялись в группу резерва Главного Командования (19, 20, 21 и 22 армии)¹⁰.

Командующие округами были персонально предупреждены Жуковым и Тимошенко (по указанию Сталина) как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации. 11 июня 1941 г. они получили указание Генштаба полосу предполья без особого указания не занимать¹¹. Любые меры, которые могли бы быть истолкованы командованием вермахта, как приведение советских войск в полную боевую готов-

ность пресекались Кремлем строжайшим образом. Результат известен — развернутым и приведенным в полную боевую готовность войскам вермахта противостояла на западе хотя и большая по численности танков и самолетов, но не боеготовая, находившаяся на стадии формирования и не имевшая плана глубокой оборонительной операции советская трехмиллионная группировка. Оборона представлялась советскому командованию как кратковременная фаза начального периода боевых действий, предваряющая переход основных сил западных округов (фронтов) в контрнаступление против агрессора.

Сведения о развертывании по ту сторону границы наступательной группировки вермахта стали поступать в штаб ЗапОВО еще заблаговременно, с начала 1941 года. 4 июня 1941 года, начальник разведотдела штаба округа полковник С. В. Блохин представил генералу Д. Г. Павлову спецсообщение «О подготовке Германией войны против СССР». В нем говорилось об интенсификации немецких приготовлений к агрессии. Как отмечалось, во второй половине мая немцы усилили свою группировку на 2–3 пехотных, две бронетанковых дивизии и дивизию СС. На границе было замечено развертывание средств ПВО и ПТО. Агентурными данными была установлена также разгрузка немцами большого количества железнодорожных составов с авиабомбами, порохом, посадка на аэродромах крупных соединений авиации. Передвижение местного населения в пограничной полосе, как подчеркивалось, было сведено к минимуму, а из многих районов оно выселено в «глубинные районы». Все гражданские лечебные заведения в крупных городах и поселках «Генерал-губернаторства» занимались под госпитали. Разведка доносила о том, что «заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР... Эти чиновники во всем предупреждены и ждут только начала военных действий... В чешской Праге функционируют курсы парашютистов, на которые мобилизованы члены белорусского комитета из Варшавы. В начале боевых действий они будут забрасываться в тылы советской Белоруссии для выполнения диверсионных задач...»

Обращал на себя внимание следующий пункт спецсообщения: «О том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается в июне месяце, свидетельствуют следующий факт: по сведениям, требующим проверки, 24 мая 1941 года филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой — вернуться не позже 5 июня 1941 г. Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока и Гродно он возвратиться не успеет. Майор — начальник разведпункта на это ответил: после 5 июня возможно начало военных действий с СССР, поэтому он не может, вне этих сроков, гарантировать жизнь агента; поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили...» Все агенты получили, кроме всего

прочего следующие задачи: установить процент бывших царских офицеров, находящихся в Красной Армии и настроение населения, живущего в приграничных районах. Агентурные данные подтверждали, что «польское население, по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 году и германские солдаты по существующему опыту ведения войны — также считают неизбежным начало военных действий с СССР в ближайшее время». Вывод начальника разведотдела ЗапОВО гласил: «Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против ЗапОВО — заслуживают доверия»¹².

Какова же была реакция на эти ценнейшие разведанные штаба Западного округа? Понятно, что Кремль и Генштаб были проинформированы. Но как реагировал на детальную информацию о германских приготовлениях к войне сам Павлов? На этот вопрос нам помогают ответить материалы, подготовленные уже после войны, когда начали пересматриваться с целью реабилитации дела на генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. А. Коробкова и др., приговоренных летом 1941 г. к расстрелу за поражение Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Ряд офицеров, выживших в тех боях, подготовили в 1956 г. записки для заместителя начальника Генерального штаба по военно-научной работе генерала армии В. В. Курасова.

Вот что писал, например, о действиях Павлова бывший начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майор Б. А. Фомин.

«Павлов тщательно следил за подготовкой театра военных действий... К началу войны на всем протяжении вдоль границы были созданы полевые оборонительные полосы с ДЗОТами. Что же касается УРов, то они к началу войны не были построены и вооружены. Тщательно следя за дислокацией войск противника, Павлов неоднократно возбуждал вопрос перед Наркомом обороны о передислокации войск округа из глубины в приграничный район... Однако к началу войны 113, 121, 143 и 50-я стрелковые дивизии в намечаемые ими районы не успели выйти, и война их застала в походе... Подводимые из глубины шесть дивизий в район Беловежская Пуща, р. Шара от впадения ее в Неман до Брестского шоссе, должны были наращивать глубину обороны, но, к сожалению, ход военных действий, а, главное, темп продвижения противника не позволил полностью осуществить этот план.

О подготовке немцами внезапного нападения Павлов знал (курсив мой. — М. М.) и просил занять полевые укрепления вдоль госграницы. 20 июня 1941 г. шифрограммой за подписью зам. начальника оперативного управления Генштаба Василевского Павлову было сообщено, что просьба его доложена Наркомом, и последний не разрешил занимать полевых укреплений, так как это может вызвать провокацию со стороны немцев. 19 июня была получена

шифrogramма из Генштаба развернуть штабу округа КП штаба фронта в Обуз-Лесна с готовностью вечер 22 июня...»

В действиях и поступках Павлова, как в предвоенный период, так и во время ведения тяжелой оборонительной операции, лично генерал Фомин, не усматривал ни вредительства, а тем более предательства¹³.

Мнение Фомина достойно внимания, но оно, к сожалению, оставляет за скобками следующий вопрос: если Павлов знал, что немцы готовят «внезапное» нападение, что же он все-таки сделал реально — не на словах, а на деле для того, чтобы не растерять все свои силы в первые же дни войны. Да, мы знаем, что Кремль и Генштаб связывали ему руки (равно как и другим командующим приграничными округами). Есть версия, что командующие войсками округов и армий, по информации из Москвы, не ожидали нападения ранее первой половины июля¹⁴.

Обращает на себя внимание также записка бывшего командующего 3-й армией ЗапОВО генерал-полковника В. И. Кузнецова, направленная все тому же генералу Курасову в 1956 году. В ней, в частности, говорилось:

«... В свое время (еще до начала войны) все командующие армиями, в том числе и я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки. В наших руках также были подметные письма, в которых указывалось примерное время перехода немцев в наступление (21, 22, 23 июня). Тем не менее, Павлов за несколько дней до начала войны приказал всю артиллерию войск всех армий фронта отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта. Этот приказ был, насколько мне известно, выполнен полностью командующим 4-й армией Коробковым, частично командующим 10-й армией генералом Голубевым и не выполнен мною, так как за несколько дней до начала войны мною было подготовлено и проводилось учение по отработке вопросов прикрытия границы, и войска (4 ск) были выведены к границе».

Кузнецов не видел ничего предательского в действиях Павлова или Климовских, но отмечал, что они «просто не сумели овладеть и не справились с обстановкой начального периода войны». В качестве примера он привел следующую фразу Павлова в момент разговора с ним по аппарату «ВЧ» примерно в 10:00, 22 июня 1941 года. После того, как Кузнецовым была доложена Павлову боевая обстановка, последний спросил: «Скажи, где у тебя артиллерия?», получив ответ, что вся артиллерия находится на позициях в боевых порядках 4-го ск, — задал следующий вопрос: «Разве ты ее не отправил?». Узнав, что не отправил, сказал: «Слава богу, нашелся хоть один догадливый человек, который делает то, что нужно»,

и далее: «Можно обо всем этом докладывать Москве?». Получив подтверждение Кузнецова, Павлов закончил разговор.¹⁵

Что можно еще добавить к написанному генералом Кузнецовым. Мнение о том, что Павлов и его штаб «не овладели и не справились с ситуацией» в начальный период войны представляется верным. С другой стороны, едва ли кто возьмется доказать возможность предотвращения разгрома войск Западного фронта и при другом, более волевом или более опытном, командующем. Очевидно, однако, что истоки трагедии Западного фронта закладывались в предвоенное время, и генерал Павлов не сделал всего возможного для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала агрессии. Одним из примеров этого является случай с артиллерией фронта, выведенной перед самой войной в тыл на стрельбы. Можно предположить, что Павлова подвело здесь чувство, однако, здесь не избежать версии определенной халатности штаба ЗапОВО.

Многие авиационные части были уничтожены или выведены из строя на своих аэродромах, (ВВС, укомплектованные на 70% устаревшими самолётами, в первый же день понесли колоссальные потери и утратили господство в воздухе), что позволило противнику захватить господство в воздухе. Отсутствие у командования ЗапОВО (равно как и у командования КОВО) надлежащей требовательности видно на примере строительства в этих округах оперативных аэродромов. Следует подчеркнуть, что во многом благодаря именно отсутствию в достаточном количестве посадочных площадок авиация Западного фронта уже в первый день войны лишилась около 738 боевых машин. Это число составляет 60 % от всех уничтоженных советских самолетов во всех западных приграничных округах 22 июня 1941 г.

Военные советы округов могли предпринять перед войной более интенсивные меры, направленные на сокращение собственных потерь в случае внезапного начала агрессии. К ним можно отнести создание достаточного количества минных полей на направлениях предполагаемых ударов противника, подготовку к взрыву мостов через пограничные реки, более активное строительство аэродромов и рассредоточение на них авиации, организацию надежной охраны линий связи — все эти меры сугубо оборонительные, и не могли дать повод для немецкой провокации. Получилось же все по иному, — немецкие танки захватывали мосты через Буг абсолютно не поврежденными, а перерезанные в первые часы войны линии связи внесли полный хаос в организацию управления советскими войсками. Высокие темпы германского продвижения на восток были предопределены таким образом с самого начала.

К этому следует добавить расхолаженность многих звеньев окружного и армейского управлений. И здесь не в лучшую сторону отличился именно штаб ЗапОВО. Как объяснить такой, например, эпизод:

вечером в субботу, 21 июня, в тот момент, когда от разведки поступали все более тревожные донесения о том, что немецкие войска уже занимают исходные позиции для атаки и готовы к нападению, командование округом слушает в Доме офицеров оперетту.

Войска не были подготовлены морально, психологически к нападению противника. Войну и ждали, и в тоже время не хотели прощаться с мирной жизнью. Да, было сообщение ТАСС от 14 июня, но было и отсутствие жесткости в дисциплине в самих войсках. Требовательность подменялась благодушием, что не замедлило сказаться уже в первый день войны.

Еще до восхода солнца государственную границу СССР пересекли первые вражеские бомбардировщики, а с рассветом противник начал сильный артиллерийский обстрел советских войск, расположенных вблизи границы, в частности, частей 4-й армии ЗапОВО. В 6 час. 40 мин. утра командующий этой армией генерал А. А. Коробков доносил Д. Г. Павлову: «...4:15 22.6 противник начал обстрел крепости Брест и района города Бреста. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6:00 артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75 сд (и 22 и 30 тд) выходят в свои районы; о 49 сд данных нет. Данных к 6:30 о форсировании противником р. Буг не имею. Штабом перехожу на запасной КП Буховиче. 22 тд под артогнем в беспорядке вытягивается в свой район. Самолеты противника с 6:00 начали появляться группами по 3–9 самолетов, бомбили пружанскую дивизию, результаты неизвестны...»¹⁶.

Непосредственно перед вторжением в тыл советских войск были выброшены группы диверсантов, которые стали рвать связь, перехватывать и убивать посыльных. Таким образом, штаб фронта лишился устойчивой связи с армиями. Бывший начальник оперативного отдела штаба 10-й армии подполковник Маркушевич уже в августе 1941 г. докладывал заместителю начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанту Маландину о том, что «о готовящемся нападении немцев и о вводе «Красного пакета» (плана занятия укреплений и действий в случае начала войны. — М. М.) было получено извещение по «ВЧ» между 3:00 и 3:30 22.06.41 г. лично командующим 10-й армией генерал-майором Голубевым от генерала армии Павлова». Это распоряжение было передано всем командирам корпусов. Однако далеко не все части успели занять исходные позиции, а те, которые заняли, отражали атаки противника, но в основном «погибли в этих точках». Далее отмечалось, что «проводная связь со штабом фронта и войсками была прервана между 3:30 и 4:00», а радиостанция уничтожена авиацией противника. И в последствии связь была очень неустойчивой и через каждые 30–40 мин. прерывалась. Окончательно связь со штабом фронта была потеряна 25 июня. Приказ об отводе войск на рубеж р. Бобр, р. Нарев был получен штабом 10-й ар-

мии от прилетевшего на самолете генерал-лейтенанта И. В. Болдина¹⁷. Отсутствие надлежащей связи штабов соединений и объединений с подчиненными группировками войск стало одной из главных причин неудач советских войск в приграничных сражениях. Днем 22 июня Павлов получил лишь разрозненные сведения о сражающихся частях и смутно представлял себе ситуацию на фронте!

Неизвестность, отсутствие точной информации, неразбериха и паника стали главными особенностями в управлении соединениями Западного фронта 22 июня 1941 г.

Бойцы и командиры испытали тогда величайший шок, который хорошо виден из текста шифрограммы Военного совета Западного фронта подчиненным войскам, отправленной вечером 22 июня 1941 г.

«Опыт первого дня войны, — говорилось в ней, — показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников.

Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу». Приказывалось: «При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население». Шифрограмма подписана Д. Павловым, А. Фоминых (членом Военного совета фронта), В. Климовских.¹⁸

Комментарии здесь излишни. Стоит только заметить, что вина за происходившие в первый день войны панику, неразбериху, отступления от правил Устава лежит во многом на самих генералах, подписавших этот документ.

Как протекали первые часы и дни войны на Западном фронте, которые во многом определили ситуацию на данном театре и в последующие недели войны? Как действовало командование объединением? Глубже разобраться в этих деталях нам помогает рапорт начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лося от 15 июля 1941 г., посвященный описанию обстановки в момент нападения Германии на СССР. В нем, среди прочего, говорилось:

«21 июня 1941 г. в 24:00 мне позвонил Член Военного совета и просил прийти в штаб... Командующий 10-й армией Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная, и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений, не отходя от аппарата. В свою очередь, к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий.

Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и приказал привести войска в план боевой готовности и сказал, что подробности сообщит шифром

(Здесь есть нестыковка с показаниями подполковника Марушкевича, который писал, что указания по «ВЧ» были получены между 3:00 и 3:30. — М. М.). В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны (Опять же Марушкевич отмечал, что проводная связь была нарушена между 3:30 и 4:00. — М. М.). Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты, и ими выведены все средства связи.

К 10–11 часам утра шифровка прибыла. (Речь очевидно идет о Директиве № 1, подписанной в Москве Тимошенко и Жуковым. — М. М.) Точного содержания сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственной границы не переходить. К этому времени войска противника продвинулись на 5–10 км. Шифровка была подписана Павловым, Фоминых, Климовских».

Многое остается неясным: как скоро поднимались войска по тревоге после звонка Павлова по «ВЧ» в 1 час ночи, какие указания получали части и соединения. Но факт остается: командиры ждали указаний сверху, не отходя от аппаратов связи, а приказ о приведении войск в боевую готовность (хотя и без подробностей) был доведен до них сразу после поступления соответствующей директивы из Москвы. Передача Директивы № 1 в округа была закончена в 00:30 22 июня. В 10–11 часов, когда немцы уже вовсю наступали, подоспел и сам текст Директивы, включая слова «не поддаваться ни на какие провокации». Отметим для себя, что если бы полковые командиры руководствовались этими словами в момент начала германской атаки, это могло лишь усугубить и без того критическую ситуацию в районе боевых действий.

Полковой комиссар также отмечал: «...В 3:58 мин под Белостоком появились первые самолеты противника, и вслед за этим началась бомбардировка белостокского аэродрома. Одновременно бомбардировке подверглись почти все города и местечки, где располагались штабы соединений 10-й армии. К 8 часам утра КП армии переместился близ дер. Старосельцы в лес, что в 5 км северо-западнее Белостока. Сразу же командованием были приняты меры к установлению связи между соединениями, и уже к 12 часам связь с ними была восстановлена делегатами. Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 июня — как с округом, так и со всеми соединениями... проволочной связи не было... К вечеру 22 июня, не помню точно, то ли от зам. командующего Болдина, то ли из штаба ЗапОВО [к тому времени фронта. — М. М.] был получен приказ закрепиться на р. Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа — 3-й армии...»

Далее полковой комиссар Лось докладывал о тяжелом отступлении частей армии, бомбежках немецкой авиации шоссе Белосток-Волковыск, которое было забито трупами людей, брошенными

автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться по которому было совершенно невозможно. На р. Нарев, по его словам, вышли, по существу, разбитые войска, имеющие в дивизиях очень незначительное количество людей, а от таких соединений, как 13-й мехкорпус, — остался только один штаб.

«...Положение усугублялось тем, — писал Лось, — что по распоряжению штаба округа с 15 июня все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артполки РКК были собраны в лагеря в двух местах: Червонный Бор (между Ломжей и Замбровом) — 22 полка 10-й армии и в Обуз-Лесна — артполки тыловых дивизий армии и других частей округа. Для поднятия этих полков был послан начальник артиллерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизию. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником...»

Возвратимся еще раз к вопросу, почему Павлов приказал перед самой войной вывести артиллерию в лагеря. Действительно ли он считал, что во время учебных стрельб война не начнется, проявив недальновидность, граничащую с халатностью, либо, получая соответствующие указания из Москвы и боясь спровоцировать немцев нечаянно залетевшим к ним снарядом, распорядился отвести орудия от греха подальше в тыл? Прояснить ситуацию мог бы сам Павлов, но после разгрома своего фронта он был осужден и расстрелян. Что касается артиллерии, поднятой генералом Барсуковым, то ей не довелось проявить себя. Она передвигалась на мехтяге. Но горючего было недостаточно. Кроме того, значительная часть тягачей сразу вышла из строя. Пушки и гаубицы приходилось либо взрывать, либо просто бросать на дороге, не произведя ни одного выстрела. Полковой комиссар Лось остановился и на незавидной судьбе самого укомплектованного мехкорпуса РККА — 6-го мк под командованием М. Г. Хацкилевича — брошенного в бой по приказу прибывшего на фронт маршала Г. И. Кулика, но не обеспеченного ни горючим, ни боеприпасами, ни каким-либо прикрытием с воздуха. Автор рапорта заключает:

«...Войска армии оказывали сопротивление до 26 июня — после чего началось беспорядочное отступление... Панике способствовало то, что в ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ, во главе с начальниками органов, также сбежали... Белосток остался без власти... Враждебные элементы подняли голову. Освободили из тюрем 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе, открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам...»¹⁹.

Следует добавить, что «позорное» поведение начальства, бросавшего свое население и убежавшего в тыл, наблюдалось в те дни и в других городах. «После бомбардировки Гродно все управление:

как-то Горсовет, РК и Горком ВКП(б), директора предприятий, милиция и НКВД побросали посты и сбежали», — говорилось в оперативной сводке ПВО пункта Лида за 23–24 июня. В результате город остался без управления, подняли голову враждебные элементы, распущена тюрьма²⁰. Все это еще больше осложнило организацию обороны, создавало хаос в тылу, способствовало дезертирству красноармейцев из боевых частей, особенно недавно призванных из близлежащих районов.

Уже к вечеру 22 июня германские войска, вторгшиеся на советскую территорию достигли больших успехов. 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана отбросила 4-ю армию генерала А. А. Коробкова на 20–30 км. Из-за отсутствия связи с армией в штабе фронта не представляли, какое мощное соединение противника действует из района Бреста. Германские самолеты господствовали в воздухе. Начавшие выдвигаться на исходные позиции советские дивизии неожиданно наткнулись на противника и вступали в бой разрозненно.

В течение 22 июня штаб Западного фронта получил из Москвы еще две директивы (№ № 2 и 3). Первая, пришедшая утром, требовала разбить вторгшиеся части противника, но границу не переходить (И. В. Сталин всё ещё не был уверен, что это не провокация), но уже к вечеру советское верховное руководство потребовало перехода в решительное наступление. Для выяснения обстановки на фронт из Москвы были направлены несколько высших офицеров, том числе к Д. Г. Павлову, маршалы Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, генералы В. Д. Соколовский и Г. К. Маландин. Западный фронт должен был во взаимодействии с Северо-Западным фронтом разбить сувалкинскую группировку противника и уже 24 июня занять город Сувалки. Получив поздно вечером 22 июня эту директиву, Павлов начал планировать контрудар в районе Гродно. 4-й армии также ставилась задача начать наступление с 5 часов утра 23 июня с целью уничтожения противника восточнее Буга и занятия Бреста. Однако вечером 22 июня приказ требовал «госграницу до особого разрешения не переходить».²¹

К сожалению, ни в штабе фронта, ни тем более в Москве не имели верного представления о ситуации на границе. А обстановка никак не располагала к наступлению.

С утра 23 июня по приказу Павлова для нанесения контрудара была образована группа генерала И. В. Болдина, включавшая 6-й и 11-й механизированные корпуса, 36-ю кавалерийскую дивизию и части 3-й армии генерала В. И. Кузнецова. При других обстоятельствах контрудар этих сил мог бы серьёзно повлиять на обстановку, ведь только 6-й мехкорпус имел 1022 танка, в том числе 352 новых Т-34 и КВ, но в реальности неподготовленное наступление при господствующей в небе авиации противника оказалось обречённым на провал. 11-й мехкорпус и 3-я армия уже были связаны боями, а 6-й мехкорпус

и 36-я кавдивизия находились в 60–80 км от Гродно. Выдвигающиеся на исходные позиции дивизии подвергались ожесточенным ударам с воздуха, поврежденную и просто сломавшуюся технику из-за отсутствия ремонтной базы приходилось бросать на обочинах. Части 6-го мехкорпуса подходили к фронту разрозненно, с ходу бросались в бой, и уже к ночи наступление пришлось остановить из-за нехватки горючего и боеприпасов. Противник не только не был остановлен, но в тот же день ворвался в Гродно. На следующий день советские атаки возобновились, но успеха также не достигли.

На южном фланге Западного фронта 23 июня 14-й мехкорпус 4-й армии также контратаковал противника и даже смог продвинуться на несколько километров к Бресту, но силы здесь были слишком не равны, и наступление быстро выдохлось. Не добившись существенных результатов, советские войска понесли огромные потери. Мехкорпуса фактически потеряли свою ударную силу. Так, в 11-м мехкорпусе из 243 танков осталось 50, а в 14-м мехкорпусе из 518 танков — 25²².

Тем временем 3-я танковая группа генерала Г. Гота, разгромив 11-ю армию Северо-Западного фронта и обойдя с севера 3-ю армию, устремилась в образовавшийся между фронтами разрыв, направив два из трёх своих моторизованных корпусов на Минск. Павлов попытался преградить ей путь резервными частями фронта, сведенными в 13-ю армию генерала П. М. Филатова, но танки Гота ворвались в расположение штаба армии и разгромили его. Уже 26 июня 3-я танковая группа подошла к минскому укрепрайону и завязала бои за город. На следующий день дивизии 4-й и 9-й немецких армий соединились восточнее Белостока, окружив значительную часть отступавших к Минску соединений 3-й и 10-й советских армий. На юге танковая группа Гудериана, преодолевая все более слабеющее сопротивление 4-й армии, 25 июня форсировала реку Щара и двинулась на Минск и Бобруйск.

О положении соединений 4-й армии генерала Коробкова после первых столкновений с противником говорят строки Оперативной сводки штаба армии за 24 июня 1941 г.: «...Части 4 армии, после бандитского налета противника, отходили, оказывая сопротивление по рубежам обороны на Картуз, Береза и к 18:00 24.6. отошли остатками корпусов в районы Войтки, Мазурки, Синявка, где закрепляются для оказания дальнейшего сопротивления. Остатки частей 6 и 42 сд 28 ск, после ряда оборонительных боев к 18:00 отошли в районы Русиловичи, Тальминовиче, где приводятся в порядок. Эти остатки не имеют боеспособности... С 49 сд с момента выхода по трювоги связи нет... 14 мк активно обороняясь переходя неоднократно в контратаки понес большие потери в матчасти и личном составе и к 25.6 не представляет боеспособного состояния... 10 САД 22.6 понесла громадные потери (почти целиком уничтожены оба ИАП

и ШАП) в первой половине дня участия в боевых действиях не принимала, дислокация Пинск. Вывод: все части, за исключением 55 и 75 сд не боеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и мат. частью и приведении в порядок... От постоянной и жесткой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали.

Начальник штаба 4 армии полковник Сандалов
Начальник опер. отдела полковник Долгов»²³

Характерную оценку обстановки на Западном фронте в письме на имя секретаря ЦК КП(б)Б и члена Военного совета фронта Пономаренко дал 27 июня 1941 г. начальник отдела политпропаганды дивизии полковой комиссар Сумар. Видимо не добившись контакта со своим армейским начальством, он решил обратиться напрямую в штаб фронта и, прежде всего, дать разъяснение, что происходит, и что делать? «Где наши войска? Где местная власть территории Западной Белоруссии?». Комиссар излагал свои наблюдения и делал заключение: «Все бежит на восток без всяких оснований... Никто боевой задачи нам не ставит, штабов армии и корпусов нигде не найти; снаряды, патроны, горючее и продовольствие на исходе»²⁴.

К 28 июня в мехкорпусах Западного фронта остались уже фактически единицы исправных бронированных машин. Так, командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С. И. Оборин доносил вечером 28 июня генералу армии Павлову сведения о состоянии своих соединений после выхода из боев, которые всего несколько дней назад вряд ли мог себе представить хоть один офицер в штабе фронта: 30 танковая дивизия [тд] — 2 танка Т-26, один из них неисправный; 22 тд — танков — 0. «...Общие потери (примерно) 14 МК — 80 %, из них убитых и раненых около 30%, остальные в тылах различных направлений. Принимаю меры сбора в район г. Смоленска...»²⁵

Советские войска оказались фактически без прикрытия с воздуха, что усугубило ситуацию на фронте, вызывало панику среди частей и способствовало еще более быстрому продвижению германских соединений на восток. Уже в середине дня 22 июня 1941 г. штаб 4-й армии доносил фронтовому командованию (и это донесение можно было преподнести как резюме всех просчетов в развертывании авиации ЗапОВО накануне войны): «Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30–40%) потери. Штарм — разгромлен (в Кобрине, штакор 28 — в Жабинке также в 12:15 22.6 бомбили; штакор 14 мк — Тевли...»²⁶. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березина, в штаб Западного фронта поступали донесения, в которых говорилось о безнаказанных действиях германской

авиации. В то же время констатировалось: «снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется».²⁷ Не удивительно, поэтому, что противник, выйдя моторизованными колоннами восточнее Минска, фактически сходу приступил к форсированию реки Березина с целью дальнейшего наступления на Могилев, Оршу, Витебск. Начальник гарнизона г. Борисова, расположенного на той же реке Березине, 2 июля буквально умолял штаб фронта «во что бы то ни стало выслать в мое распоряжение хотя бы одну эскадрилью истребителей, ибо основные потери и главное — паника — наносятся авиацией противника, которая, пользуясь отсутствием авиации на нашем участке работает все время на бредущих полетах, почти безнаказанно». Далее следовала просьба о выделении средств ПТО и другого вооружения, которого в распоряжении гарнизона имелось в крайне незначительном количестве²⁸. Об устойчивости советской обороны на этом направлении речи уже быть не могло.

Войска 4-й армии быстро отступали, но иногда могли и огрызнуться на противника. Примечательным и положительным эпизодом действий советских частей в этой критической обстановке стало действие советской артиллерии. Уже в первые дни войны она заявила о себе с самой лучшей стороны, сделав тем самым заявку на свою будущую роль на театре военных действий. Начальник штаба 4-й армии составил в конце июня донесение (на документе, написанном от руки нет подписи и даты), в котором зафиксировал начало наступления противника восточнее р. Олла. Здесь же говорилось, что «...огнем нашей артиллерии подбито 10 танков на западном берегу р. Олла... 12 мотоциклов с пулеметами, один самолет. Артиллерия действовала отлично, бой продолжается до настоящего времени...»²⁹.

Неизбежным следствием разгрома 3, 10 и 4-й советских армий стал стремительный бросок германских механизированных соединений в район Минска.

Оборона Минска стала трагической и в то же время героической страницей в летописи Великой Отечественной войны. Силы атакующих и обороняющихся были несопоставимы, защитникам города остро не хватало боеприпасов, но все же они в течение двух дней отражали яростные атаки танков и пехоты противника. Только в 16 часов 28 июня танковая группа Гота смогла ворваться в столицу Белоруссии. На следующий день в город вошли танки Гудериана, замкнув, таким образом, еще одно кольцо вокруг 3-й и 10-й армий Западного фронта. Вне кольца остались лишь части 13-й армии, и отчаянно сражавшиеся на Березине остатки 4-й армии, передодчиненные в начале июля приказом начальника Генштаба Жукова 21-й армии. Штаб 4-й армии выводился в район Пропойска³⁰.

Разгром Западного фронта был очевиден, и Ставка ВГК была вынуждена принимать все доступные меры к недопущению дальнейшего беспрепятствен-

ного продвижения немецких бронированных колонн на восток. Новый командующий Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко, занявший эту должность вместо отставленного и арестованного Д. Г. Павлова, 2 июля 1941 г. был вызван к прямому проводу для переговоров со Сталиным. В словах Сталина было заметно смятение от неопределенности ситуации на фронте и отсутствия действенных мер к задержанию противника. Видимо, опасаясь развития событий по худшему сценарию, означавшему скорое появление немцев у Смоленска, он спрашивал Тимошенко: «Нас интересует, заминировали ли Вы автостраду Орша — Минск?... Подходят ли на рубеж Ваши части?... Как идут работы на рубеже? (реки Днепр. — М. М.)... Знаете ли Вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый Вашими частями, в каком они состоянии?». Тимошенко, едва войдя в должность вынужден был отвечать на непростые вопросы. По сути, он мог лишь более или менее успешно реагировать на драматически развивающуюся обстановку. Принимаемые в этих условиях решения априори были неполными, до конца не подготовленными и скоропалительными. Однако нужно было действовать безотлагательно. Понимая, что большие потери теперь неизбежны, военное руководство было обречено бросать все вновь подходящие части сходу в сражение (пусть даже по частям) — без этого противник гарантированно выходил на оперативный простор, вглубь Европейской территории СССР и выполнял свою задачу по разгрому Красной Армии и всего Советского государства. На вопросы Сталина Тимошенко отвечал, что взрывчатые вещества подвозятся, и новые части выходят к намеченным рубежам. Но войска фронта остро нуждаются в дизельном топливе, снарядах, разведывательной и истребительной авиации. Маршал констатировал, что «до вчерашнего дня никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило»³¹.

Окруженные под Белостоком и Минском советские части были обескровлены и смогли прорваться на восток лишь разрозненными подразделениями — зачастую выходили группы всего по несколько человек, либо вовсе одиночные бойцы и командиры. Упомянутый выше полковой комиссар Лось вспоминал о том, как он пробирался из окружения на восток вместе с маршалом Куликом с одной только мыслью: «пробиться или умереть». Он упомянул также о том, как маршал приказал переодеться всем командирам и бойцам в крестьянскую одежду, но все равно их группа чуть было не угодила в руки к немцам, и лишь счастливый случай спас их от вражеского плена³².

Но многие бойцы и командиры даже под угрозой полного уничтожения не сдавались, как рассчитывали фашисты, и отчаянно дрались до 8 июля, приковав к себе до 25 дивизий противника. Их героическая борьба позволила фактически заново сформировать Западный фронт, оборонительные линии которого прошли по рекам Западная Двина и Днепр. Немцы пытались продолжить безостановочный марш

на восток 2-й и 3-й танковых групп, но усилившееся сопротивление советских войск не дало им возможности сохранить прежний темп движения. И всё же к 9 июля танки Гудериана уже подошли к Могилёву, а дивизии Гота пробивали себе дорогу на Витебск.

За первые 18 дней боев Западный фронт с Пинской флотилией потерял 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно³³, 4799 танков, 9427 орудий и миномётов, 1777 самолётов³⁴. Войска отступили на 600 км, оставив почти всю Белоруссию. Были потеряны огромные запасы продуктов, оружия, топлива, снаряжения. Вина за катастрофу Западного фронта была возложена на командование фронта. Павлов, его начальник штаба Климовских, несколько других генералов были сняты со своих постов, арестованы и расстреляны. В 1956 году все они были реабилитированы посмертно.

Причины катастрофического развития ситуации на Западном фронте в первые дни войны подробно стали анализироваться военно-исторической наукой с середины 1950-х годов. До сих пор изучение уроков поражения в Белоруссии в 1941 г. остается весьма актуальным. Для россиян актуально вдвойне, поскольку именно это направление веками служило кратчайшим путем для многочисленных противников нашей страны к сердцу государства. О предвоенных ошибках советского командования было сказано выше. Но имеет смысл обратить внимание на ход руководства боевыми действиями уже после начала германской агрессии. По мнению генерала Фомина, которое он изложил в упомянутой записке 1956 года для заместителя начальника Генерального штаба, Западный фронт постигла неудача по следующим причинам: численное превосходство противника; (им указывалось соотношение 1:5, или 12 советских дивизий против 64-х немецких, что могло быть только на направлениях главного удара немецких войск, но не в целом по фронту. — М. М.); внезапность нападения противника; недостаточная обеспеченность средствами ПВО; отсутствие у фронта резервов и оборонительного рубежа по реке Шара и снятие с него войск в ночь с первого на второй день войны, «вследствие чего противник, беспрепятственно заняв его, создал условия окружения войск 3 и 10-й армий»; запоздалое занятие рубежей УР'ов вдоль старой госграницы войсками 13-й армии, «безграмотное вмешательство маршала Кулика (направленного Сталиным из Москвы), в распоряжения Болдина (заместителя командующего фронтом) и Голубева (командующего 10-й армией. — М. М.), что привело к бесславному концу подвижной группы фронта».

Фомин упомянул и бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Климовских, отличавшегося, по его мнению, «большой работоспособностью и честностью». Единственное, что не нравилось Фомину в своем непосредственном начальнике — это отсутствие у Климовских «резвой оценки противника и его возможностей. Климовских никогда не верил,

что противник в состоянии так далеко планировать свою первоначальную операцию и наносить далеко в глубину свои массированные удары авиации».

В заключение Фомин написал, что все перечисленные им генералы, арестованные и расстрелянные летом 1941 г., «были оторваны от управления войсками в тот момент, когда их стараниями уже стали затухать темпы операции противника, а управление войсками налаживалось»³⁵.

В послевоенной записке генерал Кузнецов, равно как и Фомин, критиковал действия маршала Кулика, считая неверным его указание об организации 24 июня контрудара частей армии в общем направлении на Гродно-Сувалки с целью обеспечения с севера фланга ударной группы фронта в составе 10-й армии и мехкорпуса Хацкилевича. Дело в том, что корпус Хацкилевича имел тогда горючего всего на полторы заправки, авиация фронта была разгромлена, фланги фронта, как правый, так и левый, были открыты. По мнению Кузнецова, в создавшихся условиях наиболее разумным был бы переход к «подвижной обороне» и контрудар по тылам 2-й танковой группы Гудериана, быстро продвигавшейся к Барановичам с юго-запада³⁶.

Еще одним объяснением неудачных действий Западного фронта в начале войны был тот факт, что по предвоенной оценке Генштаба и наркомата обороны, наиболее опасным считалось юго-западное (южнее Полесья) направление. Фактически противник нанёс главный удар на Смоленск и Москву, что давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районе Белостока и Минска.

Западный фронт потерпел поражение. Тяжелое положение сложилось в конце июня-начале июля 1941 г. и в полосе соседних Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

Наступавшая в Прибалтике ГА «Север» фельдмаршала В. Лееба состояла из 16, 18-й полевых армий и 4-й танковой группы. Вместе с 3-й танковой группой её передовые силы вторжения насчитывали 655 тыс. человек, 7673 орудия и миномёта, 1389 танков и 1070 самолётов 1-го воздушного флота генерала Келлера. Северо-Западный фронт (командующий — генерал-полковник Ф. И. Кузнецов), преобразованный из Прибалтийского Особого военного округа, включал 8, 11 и 27-ю армии, а так же 5-й воздушно-десантный корпус. Общая численность войск фронта составляла всего 379,5 тыс. человек, 4938 орудий и миномётов, 1274 танка и 1078 самолётов³⁷.

События первого дня войны здесь в целом повторяли происходящее на Западном фронте. Противник выбросил диверсионные группы, бомбил аэродромы, внезапной атакой захватил целыми все мосты через Неман. Уступающие противнику на направлениях главного удара в 5–8 раз, части 8-й и 11-й армий не смогли удержать линию фронта. 3-я танковая

группа Гота, прорвав оборону 11-й армии, устремилась на Вильнюс, а 4-я танковая группа генерала Гёпнера, смяв боевые порядки 8-й армии, быстро продвигалась к Даугавпилсу. 3-я танковая группа, имевшая в своем составе два моторизованных и два армейских корпуса (4 танковые, 3 моторизованные, 4 пехотные дивизии), в приграничных сражениях должна была действовать на театре, занимаемом советским Северо-Западным фронтом, оказывая содействие ГА «Север» в разгроме советских войск в Литве и создании разрыва между соединениями РККА в Прибалтике и Белоруссии. После захвата Вильнюса, группе Гота предстояло повернуть свои силы на юго-восток — к Минску.

Пытаясь остановить рвущегося к Вильнюсу врага, командующий 11-й армией генерал В. И. Морозов бросил в бой 3-й мехкорпус, однако в ожесточенном сражении вечером 22 июня 5-я дивизия корпуса была разгромлена и отступила. 24 июня Вильнюс пал, а танки Гота рванулись к Минску.

23 июня комфронта Кузнецов попытался организовать контрудар силами 3-го и 12-го мехкорпусов против 4-й танковой группы. Хотя в целом советские войска имели полуторное превосходство в танках, они вдвое уступали в живой силе и артиллерии; к тому же танковые дивизии оказались растянутыми на широком фронте и вместо сконцентрированного, мощного наступления осуществляли удар растопыренными пальцами, вводясь в бой по частям. Тем не менее, поначалу советским танкистам удалось несколько потеснить 41-й моторизованный корпус противника и даже вынудить его перейти к обороне. Ожесточенное танковое сражение продолжалось двое суток, но 25 июня атаки пришлось прекратить из-за огромных потерь и нехватки боеприпасов. В 12-м мехкорпусе осталось всего 35 танков³⁸.

Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед выдвигались средства ПТО, прежде всего противотанковые орудия, тогда как собственные бронированные машины отводились назад. Срочно вызывалась по радио авиация. В результате, большое количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. Немцам было весьма важно осуществлять непрерывное и быстрое продвижение своих моторизованных колонн на восток. Моторизованным корпусам Г. Гот ставил задачи по «быстрейшему формированию Немана... разрыву групп противника вокруг Минска и Вильно» и давал рекомендации по ведению боя. К ним, в частности, относились: «Уничтожение оставшихся частей противника, захват пленных и трофеев, по возможности, нужно предоставить следующим позади моторизованным и пехотным дивизиям... Фланги охраняются разведкой... Решающее значение для успеха наступления имеет задача саперов передовым частям и своевременный подвоз средств для наводки моста... Нужно обязательно придавать

передовым частям артиллерию...». Далее командующий 3-й танковой группой указывал на вероятность встречи с авиацией и танками противника и требовал исключить скапливание собственных машин в местах переправ³⁹. (О тактике германских моторизованных частей, См. Документы. Документ №1)

Командующий 3-й танковой группы генерал-полковник Герман Гот вспоминал позже об одном из боев с советскими танками у Алитуса: «В „исключительно тяжелом танковом бою“, как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение. Остатки этой дивизии ушли на северо-восток и через несколько дней потеряли свои последние танки»⁴⁰.

Пока 41-й корпус вермахта отбивал контратаки, 56-й моторизованный корпус рвался вперед, почти не встречая сопротивления. 26 июня немецкие танки внезапно ворвались в Даугавпилс и захватили мосты через Западную Двину. 11-й армии, которой немцы, таким образом, отрезали пути отступления, пришлось отойти в полосу Западного фронта.

Попытки командования Северо-Западного фронта вернуть мосты вылились в двухдневное сражение между советскими 21-м мехкорпусом и 5-м воздушно-десантным корпусом с одной стороны и частями 56-го корпуса вермахта, с другой. К сожалению, выбить противника из Даугавпилса не удалось, хотя враг понёс серьезные потери. А в ночь на 29 июня реку форсировали и части 41-го корпуса противника у Екабпилса.

Тем временем пехотные соединения 18-й армии противника наступали на Ригу. На целых три дня задержал врага героический гарнизон советской военно-морской базы в Лиенае, но 29 июня немцы всё же ворвались в Ригу, грозя отрезать не успевшие отойти части 8-й армии генерала П. П. Собенникова. Решительной контратакой противник был выбит из города, и 8-я армия в полном порядке отошла за Западную Двину. Вновь занять Ригу немцы смогли лишь 1 июля⁴¹.

29 июня советское верховное командование отдало приказ подготовить оборонительные позиции на старой советской границе, но Кузнецов не правильно его понял и распорядился начать отход от Западной Двины. Когда ошибка вскрылась, вернуть утраченные позиции было уже невозможно. 2 июля противник нанёс мощный удар в стык между 8-й и 27-й армиями и прорвал фронт. Таким образом, в результате первых дней войны группировка Северо-Западного фронта была рассечена и частично окружена. Советские войска были вынуждены отойти за рубеж Западной Двины (Даугавы). Попытки восстановить фронт вводом второго эшелона и резервов объединения по большей части оказались неудачными. В результате этого отступление в направлении Эстонии и Пскова стало единственно возможным средством спасти оставшиеся части. За неумелое руководство войсками командование фронта было

отстранено от своих постов. Новым командующим фронта стал генерал-майор П. П. Собенников, а его начальником штаба генерал Н. Ф. Ватутин⁴².

Тем временем устремившиеся в прорыв танки Гёпнера 6 июля захватили город Остров, а 10 июля, после ожесточенного боя, Псков. Реальная угроза нависла над Ленинградом. Лишь в Эстонии 8-й армии удалось задержать врага на линии Пярну — Тарту, а на полуострове Ханко продолжал героически обороняться гарнизон советской военно-морской базы. Силы Краснознаменного Балтийского флота вели пока успешную борьбу с немецкими надводными и подводными силами, пытавшимися перерезать линии советских морских коммуникаций и запереть флот в Финском заливе.

За три недели боёв советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя на 450 км. Потери составили 88,5 тыс. человек (в т.ч. 75 тыс. безвозвратно)⁴³, более тысячи танков, 4 тысячи орудий и миномётов и свыше тысячи самолётов⁴⁴.

Против войск Киевского Особого военного округа (с 25 июня — Юго-Западный фронт) противник развернул ГА «Юг» фельдмаршала К. Рундштедта, которая состояла из 6-й и 17-й армий и 1-й танковой группы. Кроме того, 11-я армия находилась в Румынии, против войск Одесского военного округа. Без учета 11-й армии, силы ГА «Юг», перешедшие в наступление 22 июня, насчитывали 730 тыс. человек, 9700 орудий и миномётов, 799 танков и 772 самолёта 4-го воздушного флота генерала Лёра. Кроме того, на южном фланге группы армий располагались венгерские войска, включавшие 44,5 тыс. человек, 200 орудий и миномётов, 160 танков и 100 самолётов. Юго-Западный фронт (командующий — генерал-полковник А. П. Кирпонос) включал 5, 6, 12 и 26-ю армии, а так же 5-й кавалерийский, 7, 31, 36, 37, 55-й стрелковые, 9, 15, 19, 24-й механизированные и 1-й воздушно-десантный корпуса. Общая численность войск фронта составляла 975 тыс. человек, 12 064 орудия и миномёта, 4783 танка и 1759 самолётов⁴⁵.

На юго-западном направлении противнику не удалось быстро добиться решительных успехов. Лишь в полосе 5-й армии немцы смогли прорвать фронт обороны и продвинуться на 20 км, а на всех остальных направлениях советские войска успешно отразил атаки немецких войск и 3-й румынской армии.

Согласно директиве № 3, отданной вечером 22 июня, войска фронта должны были разгромить люблинскую группировку противника и захватить Люблин уже 24 июня. Хотя в штабе фронта считали директиву невыполнимой, решено было 23 июня нанести контрудар по прорвавшейся 1-й танковой группе генерала Клейста силами шести мехкорпусов, насчитывающих 3,7 тыс. танков⁴⁶. Удар предполагалось наносить с двух сторон по сходящимся

направлениям. Для координации действий советских войск и постановке конкретных задач соединениям на Юго-Западный фронт был послан сам начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков. Прибыв на место, он стал отдавать энергичные распоряжения относительно быстрейшего перехода в атаку танковых соединений. Его приказания фронтовому и армейскому командованию были достаточно жесткими и четкими. Так, разговаривая по прямому проводу с генерал-майором Потаповым, командующим 5-й армией, Жуков был весьма обеспокоен продвижением танков противника на Ковель с севера — с брестского направления. Основную вину на это он возлагал на командующего 4-й армией Западного фронта Коробкова, видимо не зная еще в деталях о том критическом положении, которое сложилось на соседнем фронте. Проводная связь Потапова с соседними армиями, в т.ч. с 6-й армией, к тому времени также была нарушена. В своем докладе он подчеркивал, что его основной задачей являлось разгром Владимир-Волынской группировки противника и выход к р. Западный Буг. Но механизированные соединения могли сосредоточиться в исходных районах для атаки не ранее чем через двое суток, совершив протяженный марш. Кроме того, большинство танков в его армии были устаревших конструкций, многие требовали ремонта. Танков Т-34 не было вовсе, КВ со 152-мм орудиями — 30 шт., остальные Т-26 и БТ. Жуков в то же время требовал: первое: «прочно закрыть с севера подходы на Ковель, второе: не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки... За тыл не бойтесь и на него не оглядывайтесь». Он распорядился немедленно выдать для танков КВ бетонобойные «снаряды 9 и 30 года» и пустить их в ход, ободряя Потапова: «будете лупить противника всюю... Ночью или завтра буду у Вас»⁴⁷.

Ставка и лично Сталин внимательно следили за подготовкой контрудара на Юго-Западном фронте. К исходу 24 июня в Москве полагали, что Жукову стоит подумать об отводе советских частей из района Перемышля на линию Рудня-Бориславль, чтобы они не оторвались от основной группы войск в районе Львова, и об эвакуации ценного оборудования из Львова. Жуков согласился с этим отходом, но все его внимание, равно как и внимание Ставки было приковано к организации контрудара севернее Броды. Из Москвы было высказано пожелание нанести бомбовый удар по нефтяным промыслам Плоешти и Бухаресту — столице вступившей в войну против СССР Румынии⁴⁸.

26 июня — в момент начала советского контрудара против наступающих соединений немецкой группы армий «Юг» Жуков всячески подгонял и наставлял командующих армиями, в том числе все того же Потапова, говоря о том, что он и штаб фронта «крайне недовольны по существу бездеятельностью штаба [армии] и Военного совета» и «если так будете работать, противник вас разобьет». «Вам

надлежит, — продолжал Жуков, — не бросать в атаку разрозненные соединения и части, а организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков, встречая противника на хороших рубежах. Предварительно противника расстреливать, а затем добивать... не бойтесь действовать активнее, немцы страшные трусы, когда их бьют... Весь успех... зависит от знания, где противник, где ваши части и от дерзости Военного совета и всех войск... Надеюсь лично я, Военный совет [фронта] и Нарком, что вы оправдаете свое назначение. Жму руку. Всё»⁴⁹

26–30 июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось невиданное до тех пор встречное танковое сражение, когда на участке шириной 70 км столкнулись почти 2 тыс. танков⁵⁰. К сожалению, контрудар, который мог привести к серьёзному поражению группы Клейста, был очень плохо подготовлен и организован. Как и на Западном и Северо-Западном фронтах дивизии вводились в бой разрозненно, пока они двигались к местам сосредоточения, противник подвергал их нападению с воздуха. В связи с постоянно меняющейся обстановкой, задачи мехкорпусам постоянно уточнялись, в результате некоторым из них пришлось совершать длительные марши по бездорожью, теряя драгоценное время и машины. К моменту начала советского контрудара многие механизированные корпуса уже понесли серьёзные потери в танках. Например, 8-й мехкорпус совершил почти 500-км марш и оставил на дорогах чуть ли не половину из своих 858 танков, а 8-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса во время марша по болотам пришлось бросить все свои тяжёлые танки КВ.

28 июня 1941 г. командующий 5-й армией генерал Потапов приказал командирам соединений наладить строжайший учет имущества, за утерю которого требовалось предавать виновных военно-полевому суду. Он констатировал, что «Преступное отношение к народному достоянию: оружию, боеприпасам, боевым, транспортным машинам принимает широкие размеры. За шесть дней войны утеряно много материальной части. На дорогах бросаются вполне исправные как боевые, так и транспортные машины, оружие и другие виды имущества. Хуже того, что к тем, кто совершает это тягчайшее преступление, никаких мер не принимается. Приказываю: Командирам соединений наладить строжайший учёт имущества и за утерю и оставление имущества немедленно предавать Военному Полевому суду»⁵¹.

К вышесказанным причинам неудачи советского контрудара на Юго-Западном фронте следует добавить, что командование фронта почти не управляло сражением из-за отсутствия надежной связи. Корпуса действовали крайне несогласованно, что вело к большим потерям и действиям разрозненно от своих соседей. Итог известен, 8-й мехкорпус попал в окружение, потерял всю свою технику и большую часть личного состава.

Вследствие того, что советский контрудар не достиг своей цели, немецкое наступление против Юго-Западного фронта на киевском направлении продолжалось. Теперь под угрозой окружения оказались 26-я и 12-я советские армии, войска которых находились под относительно слабым нажимом вражеских войск в районе южнее Львова. Генерал Кирпонос, опасаясь, что в немецком котле может оказаться львиная доля оставшихся у него сил и средств, уже 27 июня начал отвод войск с львовского выступа. 30 июня Львов был оставлен. В тот же день в наступление перешли венгерские войска (27 июня Венгрия объявила войну СССР). Части противника развернули наступление на луцко-ровенском направлении. Советские части начали быстрый отход за р. Днестр и к середине июля вышли на рубеж Житомир, Бердичев, Каменец-Подольский и Могилев-Подольский.

30 июня Кирпонос получил приказ из Ставки к 9 июля отвести войска на линию укреплений на старой государственной границе СССР. Войскам фронта предстояло проделать 200-км марш по забитым беженцами дорогам, отбивая атаки наседающего противника. Однако и на новых позициях остановить противника не удалось. После тяжелейшего двухдневного боя с частями 5-й армии и группой полковника Бланка, танковая группа Клейста прорвала 7 июля Новоград-Волынский укрепрайон и 9 июля овладела Житомиром. Лишь 11 июля немецкие танки удалось остановить на подступах к киевскому укрепрайону, в чём огромную роль сыграли киевские ополченцы. Части 16-го и 15-го мехкорпусов сдерживали противника в районе Бердичева.

2 июля в наступление перешли 11-я немецкая, 3 и 4-я румынские армии. Их целью была советская Молдавия, а в стратегическом плане, при удачно складывающихся обстоятельствах — создание угрозы охвата с обоих флангов объединений Юго-Западного фронта. Однако отсутствие мощных танковых соединений (румыны имели всего 60 танков, а немцы в этом районе не имели их вообще) не позволило врагу добиться серьёзных успехов. Удачно действовала против врага и Дунайская военная флотилия, а в прибрежной полосе оперативные соединения Черноморского флота. В результате контрудара трёх корпусов 9-й армии Южного фронта 8 июля враг остановился и перешёл к обороне⁵².

В ходе приграничного сражения Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта потеряли 241 594 человека, в том числе 172 323 безвозвратно⁵³, 4381 танк, 5806 орудий и миномётов, 1218 боевых самолётов⁵⁴.

В общей сложности в Приграничных сражениях приняли участие 170 советских дивизий, из которых 28 были полностью уничтожены. Потери трёх фронтов (Западного, Северо-Западного, и Юго-Западного) составили около 600 тыс. человек, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и миномётов⁵⁵. Была потеряна Литва, Латвия,

почти вся Белоруссия, значительная часть Молдавии, Украины и Эстонии. Около 23 млн. советских граждан осталось на оккупированной территории.

Оценочные потери противника к 10 июля составили 79 058 человек, 1061 орудий и миномётов, 826 самолётов и 350 танков, однако немцы смогли быстро восполнить их. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой⁵⁶.

Хотя советские войска понесли тяжелое поражение, июнь 1941-го года явил миру немало примеров подлинного героизма и самопожертвования советских солдат. Подвиг гарнизонов Брестской крепости, Минска, Либава навсегда останутся яркими страницами борьбы советского народа с фашистской агрессией. Своей борьбой войска приграничных округов позволили советскому верховному командованию выиграть драгоценное время для подтягивания к фронту дополнительных сил из внутренних районов СССР, которые, сходу вступая в бой с противником, продолжали замедлять темпы его продвижения вперед.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном — на 450–600 км, в юго-западном — на 300–350 км, захватили почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Над страной нависла смертельная опасность.

Со стратегической точки зрения по существу повторилось то, что удалось осуществить вермахту в 1940 г. в Западной Европе, а затем, в конце 1941 — начале 1942 г. — японским войскам на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, однако, территория Соединенных Штатов оставалась вне досягаемости противника.

Советское руководство прилагало максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Все для фронта, все для победы» — такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля. В нем выражалась уверенность, что справедливая борьба советского народа за свободу своего Отечества завершится разгромом агрессоров, «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».

23 июня была образована Ставка Главного Командования (с 10 июля Ставка Верховного Командования, с 8 августа — Ставка Верховного Главнокомандования) — высший орган стратегического руководства вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Обороны (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верхов-

ным Главнокомандующим вооруженными силами СССР (с 8 августа) был назначен И. В. Сталин. На восток в срочном порядке производилась переброска из угрожаемых районов промышленных предприятий и рабочего персонала с семьями, чем руководил созданный 24 июня Совет по эвакуации.

По предложению маршала Б. М. Шапошников 25 июня 1941 г. Ставка Главного Командования приказала отвести советские войска на линию старых УРОВ. Однако эта линия (так называемая «линия Сталина») не представляла из себя к 1941 году полностью подготовленного оборонительного рубежа. Зато движение к «линии старых УРОВ» стало, как отмечает историк В. Мартов, девизом отступавших советских войск, их главной надеждой — надеждой, которой не суждено было сбыться⁵⁷.

Был отдан также приказ о формировании группы армий резерва Главного Командования (командующий — маршал С. М. Буденный, член Военного Совета — Г. М. Маленков, начштаба — генерал-майор А. П. Покровский):

22-я Армия (штаб с 24.06 — Великие Луки): два стрелковых корпуса — 62-й и 51-й;

20-я Армия (штаб с 25.06 — Смоленск): четыре стрелковых корпуса — 61-й, 69-й, 20-й и 41-й;

21-я Армия (Чернигов): пять стрелковых корпусов — 66-й, 63-й, 45-й, 30-й и 33-й

19-я Армия (Черкассы): три стрелковых корпуса — 34-й, 25-й и 67-й и 25-й мехкорпус

Задача группе армий ставилась следующая — приступить к обустройству оборонительного рубежа по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга.⁵⁸

Однако эта задача оказалась во многом неразрешимой из-за быстрого выхода немцев к указанной линии, запоздалого и разрозненного (по частям) подхода советских соединений к фронту.

Уже 16 июля 1941 года Государственный Комитет обороны принял решение о строительстве оборонительного рубежа на дальних подступах к Москве — Можайской линии обороны протяженностью 230 километров. Она простиралась с севера на юг от Московского моря, западнее Волоколамска и Можайска, до слияния Угры с Окой и должна была включать в себя 3 оборонительные полосы — главную и 2 тыловые. Общая глубина оборонительного рубежа должна была составить 120–130 километров. Главная полоса включала Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, а несколько позже и Калужский укрепленные районы. К строительству Можайского оборонительного рубежа широко привлекались трудящиеся Москвы и Московской области, а также сформированные в начале июля дивизии народного ополчения. Однако к моменту выхода немецко-фашистских войск к данному району строительство было еще только в самом разгаре. В четырех укрепленных районах Можайской линии обороны было сооружено 296 дотов из 760, намеченных. Только наполовину был выполнен

план по созданию противотанковых рвов. Не удалось осуществить и задание по сооружению эскарпов и проволочных заграждений.⁵⁹

Понимание всей тяжести предстоящей борьбы с опытейшим врагом, необходимость экстренных мер по подготовке и обучению новых частей, взамен уничтоженных в приграничных боях, присутствовало у ответственных военачальников на фронте. Беда заключалась в том, что времени для мероприятий, связанных с повышением боеспособности свежих или выведенных в тыл подразделений, не было. При первой возможности ими затыкали вновь образованные бреши, создаваемые наступающим противником. Опыт первых боев вынуждал командующих издавать распоряжения, касающиеся корректировки организационных, боевых, дисциплинарных и идеологических установок перед тем, как войска вступят в бой. 8 июля 1941 г. генерал-майор Коробков (который в тот же день был отстранен от командования армией, а на следующий день арестован), на основании ранее полученных указаний из штаба фронта, предписывал: «...В районах формирования немедленно приступить к организации обороны... Создать в каждом полку и батальоне отряды и группы истребителей танков, которые вооружить связками гранат, бутылками с горючей жидкостью, минами и усиливать их противотанковыми пушками. Действия истребительных отрядов должны быть смелыми и решительными, нападая на танки главным образом из засад... [своеобразные мобильные отряды ПТО, создаваемые исходя из печального опыта быстрого прорыва германских танков. — М. М.]. Научить бойца, отделение и подразделение окапываться, маскироваться под огнем и вести упорный бой в обороне с мотопехотой противника, наступающей с ВВС и танками... пехоту отделять от танков и уничтожать...» Все эти установки, безусловно, были правильными, но вот своевременными их отнюдь не назовешь, активно учить бойца и подразделение обороняться нужно было до войны. Далее Коробков говорил о необходимости «Резко поднять дисциплину во всех подразделениях и частях... Поднять боевой дух и укрепить упорство и стойкость в бою среди всех звеньев личного состава. Еще больше разжечь ненависть против фашизма, провокационно напавшего на Советский Союз. Уяснить всем составом, что боец и командир, покинувший свои позиции самовольно, и лица, сеющие панику на фронте и в тылу, есть изменники Родины и подлежат судебной ответственности вплоть до расстрела...»⁶⁰ Комментарии здесь излишни, добавим, что предписания Коробкова появились раньше приказа Ставки № 270, подписанного Сталиным и содержащего сходные положения. (Речь Сталина от 3 июля 1941 г. предписывалось изучать на политзанятиях, наряду с изучением фактов из боевой деятельности подразделений).

Ставка принимала самые жесткие меры по борьбе с паникерами и трусами, оставляющими свои

позиции, бегущими в тыл или сдающимися в плен. 16 августа вышел знаменитый приказ Ставки № 270, в котором, в частности говорилось: «...1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам...»⁶¹. (Текст приказа см. Док. № 1)

Еще до снятия со своего поста генерала Д. Г. Павлова на его Западном фронте стали создавать заградительные отряды (численностью до батальона, на расстоянии нескольких километров от фронта), в задачу которых входило: сбор и организация в боевые подразделения беспорядочно отходивших или бегущих с позиций солдат, отправка их обратно на передовую, пресечение паники, передача под следствие подозрительных лиц, борьба с возможными десантами противника, создание укрепленных рубежей и т. п.

В своем приказе (не позднее 25 июня 1941 г.) Павлов писал:

«...Для охраны порядка на путях движения и ликвидации отдельных диверсионных групп — ПРИКАЗЫВАЮ:

1. На всех путях войсковых, артиллерийских и фронтовых тылов выставить заградительные отряды.
2. В войсковых и армейских тылах заград. отряды выставить распоряжением Командующих армий. Состав отрядов определить командующим армий с обязательным включением в них представителей третьих отделов и отделений армии, корпусов, дивизий и местных органов НКВД... Минскому ОВК сформировать из добровольцев не поднимаемых возрастов, преимущественно членов ВКП(б) и комсомольцев 20 отрядов, численностью 50 человек...

Формирование отрядов начать немедленно и закончить к утру 26.6.41 г.»⁶³.

Заметим, что заградотряды летом 1941 г. формировались и на других фронтах, в частности на фронте генерала Еременко, и происходило это примерно за год до приказа Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., вводившего в армии наряду со штрафными подразделениями и заградительные отряды. Интересно привести данные из оперативной сводки начальника войск НКВД УССР и охраны войскового тыла Юго-Западного фронта (ЮЗФ) полковника Рогатина Военному Совету ЮЗФ о работе заградительных отрядов на дорогах и подступах к Киеву с 5 по 12 июля 1941 г.

За это время было задержано из числа среднего начсостава 80 чел.; младшего — 237; красноармейцев — 2498; гражданских лиц — 4728, и многие сотни единиц техники. Органами военной прокуратуры, куда передавались подозрительные лица из района Киева и других мест, где работали заградотряды за период с 9 по 12 июля было осуждено «за агитацию и другие контрреволюционные преступления к расстрелу — 15 чел., к лишению свободы — 7 чел. За уклонение от мобилизации — к расстрелу — 4 чел., к лишению свободы — 4 чел...»⁶³.

Чрезвычайно жесткие и даже жестокие меры по укреплению стойкости войск принимали по своей инициативе и многие военачальники на фронте. Так, упомянутый выше генерал А. И. Еременко (в то время зам. командующего Западным фронтом) будучи в расположении 22-й армии, отражавшей удар германских танковых и армейских корпусов в направлении Полоцк, Невель, Великие Луки, доносил 6 июля 1941 г. С. К. Тимошенко и Генштабу РККА о критическом положении в 51-м стрелковом корпусе (ск) и преступном поведении командира 166-го стрелкового полка (сп). Он, в частности, писал, что лично остановил бегство полка, «руководил боем и воспитывал генералов, чтобы они не боялись огня». «Я приказал им и сам лично участвовал в контратаке (51 ск. — М. М.), и все обошлось благополучно, а генералов обстрелял». Еременко, кстати, был тогда контужен. В документе есть и другая информация: «Подлого труса бывшего командира 166 сп майора Заимулина, который первым оставил свой командный пункт и удрал на 15 км в тыл, я расстрелял в присутствии собранного остатка полка. Командира 98-й сд генерал-майора Гаврилова... я с должности отстранил и дело о нем передал в трибунал... Командира 51 ск генерал-майора Маскова... крепко предупредил...»⁶⁴. Добавим, что в своих послевоенных мемуарах, вышедших в 1965 г., Еременко упомянул лишь о снятии им командира 166 сп, и что эта часть в дальнейшем — при новом волевом руководстве — мужественно держала устойчивую оборону⁶⁵.

Но все предпринимаемые меры с целью остановить и отбросить врага пока не давали желаемых результатов. Красная Армия отступала. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецко-фашистских войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов с боями оставили Киев, Одессу, затем западные районы Донбасса. Противник ворвался в Крым, подошел вплотную к Севастополю, в ноябре достиг Ростова-на-Дону.

Потери советских войск были огромны. Ориентировочно уже в первый месяц войны потери составили 1 млн человек, из них убитыми и умершими

от ран 300 тыс., 700 тыс. пленными. В сентябре на Левобережной Украине попали в плен 650 тыс. человек и позднее в боях под Брянском и Вязмой еще 600 тыс. С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия и Военно-Морской Флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3138 тыс. человек; ранеными, контуженными, заболевшими 1336 тыс. человек; лишились более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн кв. км, что в три раза больше, чем территория Франции⁶⁶.

Но, отступая, часто в беспорядке и с большими потерями, Красная Армия, тем не менее, срывала важнейшую установку плана «Барбаросса»: уничтожить советские войска ударами танковых клиньев, не допустить отхода русских армий вглубь территории страны.

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой почти неизбежные ошибки. Однако постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч людей участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах. Только в Подмосковье в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий. Это лишало врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5–8,5 км в сутки. Еще в сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре — у Ростова-на-Дону, а в начале декабря — под Москвой.

На крайнем северном фланге советско-германского фронта в конце июня месяца перешла в наступление немецкая армия «Норвегия». Ее главной целью был незамерзающий порт Мурманск. В целом, замысел немецкого командования заключался в нанесении ударов по трем направлениям: на северном объектом захвата должен был стать Мурманск, на центральном — город Кандалакша Мурманской области, на южном — поселок Лоухи Карело-Финской ССР. В случае успеха в руки противника попал бы советский незамерзающий порт на Баренцевом море — Мурманск. Кроме того, наступавшие на Кандалакшу и Лоухи силы противника отрезали бы Кольский

полуостров от остальной территории страны и, выйдя на побережье Кандалакшской губы, создали бы дополнительную угрозу Архангельску (замерзающему порту). Вместе с Мурманском должен был быть захвачен и город Полярный — база Северного флота.

Этим планам не суждено было сбыться. Поскольку до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами, 14-я армия (командующий генерал-лейтенант В. А. Фролов) и Северный флот (командующий — контр-адмирал А. Г. Головкин) имели больше времени на подготовку и не были застигнуты врасплох. Кроме того, поскольку данный фронт изначально не считался приоритетным, немецкое командование выделяло ему меньше сил, и, хотя превосходство немецкой армии «Норвегия» (в дальнейшем была известна как «Лапландия» и 20-я горная армия) над советской стороной было обеспечено, обороняющиеся, мобилизовав все свои ресурсы, сумели выстоять.

Начав сухопутное наступление на Мурманск силами горнострелкового корпуса «Норвегия» (2 горнострелковых дивизии), немцы оттеснили подразделения 14-й армии с рубежа на реке Титовка, но так и не смогли преодолеть организованный сразу за ним рубеж на реке Большая Западная Лица.

Кроме того, немцам не удалось занять полуострова Средний и Рыбачий, прикрывавшие вход в Кольский залив, на берегу которого расположен Мурманск. Подразделения 23-го укрепрайона под командованием полковника М. К. Пашковского, сумели организовать успешную оборону с использованием особенностей сложного рельефа и не пропустили немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачью и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на Западной Лице. Артиллерийское прикрытие Северного флота было особенно важно в условиях нехватки у сухопутных сил боеприпасов для артиллерии. Успех обороны на речном рубеже был во многом обусловлен и тем, что защитники 23-го УР выиграли время для подготовки позиций в районе Большой Западной Лицы.

Стоит отметить, что Северный флот — на тот период самый молодой в Вооруженных Силах СССР — выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре. Его корабли выходили в море с целью нарушения перевозок стратегического сырья для германской промышленности, обеспечения советских воинских и народнохозяйственных перевозок. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации доставки грузов в СССР из Англии и США.

Пытаясь усилить натиск на Мурманск, немцы перебросили на север часть подразделений с кандалакшского направления, где безуспешно действовали

дивизия СС «Норд», 169-я пехотная дивизия, финская 6-я пехотная дивизия и 2 финских егерских батальона, однако наступления, предпринятые 12 июля и 8 сентября, также захлебнулись.

С 11 сентября по 18 октября в воздушной обороне Мурманска участвовало и 151-е авиакрыло британских Королевских ВВС (24 истребителя «Харрикейн»), сбившее и повредившее не менее 16 самолетов противника (еще 30 июля британская авиация бомбила Киркенес и Петсамо, однако эффект той операции был в большей степени морально-политическим).

По итогам стратегической оборонительной операции в Заполярье и Карелии (29 июня — 10 октября 1941 г.) безвозвратные потери советской стороны составили 67 265 чел⁶⁷. Потери немецкой и финской сторон в совокупности составили порядка 67 тыс. чел⁶⁸.

Защитники Заполярья сумели сохранить за Советским Союзом возможность поддерживать связь с внешним миром через северные порты, что было жизненно необходимо в условиях, когда порты Балтийского и Черного моря были захвачены или блокированы противником.

В результате успешных оборонительных действий 14-й армии и Северного флота в 1941 г. немцы заняли только небольшую часть советской территории, не сумев добиться большего в последующие три года.

Активные боевые действия между советскими и финско-немецкими войсками вскоре после начала войны развернулись в Советской Карелии. К началу Великой Отечественной войны Финляндия полностью отмобилизовала свои войска и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности, Финляндия для предстоящих боевых действий выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Кроме того, как уже было сказано выше, в северной Финляндии была сосредоточена немецкая армия «Норвегия». В общей сложности вражеская группировка состояла из 21,5 дивизий (из них 17,5 финских) и насчитывала 407 440 человек, 3084 орудия, 192 танка и 424 самолета⁶⁹.

В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14, 7 и 23-я армии Ленинградского военного округа. В общей сложности округ имел в своем составе 426 человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации⁷⁰.

В день начала агрессии против Советского Союза, 22 июня 1941 г., Гитлер в своем обращении к немецкому народу дал недвусмысленно понять, что Германия выступает «в союзе с финскими товарищами». Сразу вслед за этим немецкие воздушные силы, базирующиеся в Финляндии, начали установ-

ку мин неподалеку от советских военно-морских баз. Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. Используя этот предлог, Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт (командующий — генерал-лейтенант М. М. Попов).

Финские и немецкие части перешли в наступление в Северной Карелии в начале июля 1941 г. Наступление велось на кандалакшинском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью противника было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск с Петрозаводском. С боями финны и немцы смогли продвинуться на 75–150 км, заняв населенные пункты Реболы, Алакурти, Куоляярви и ряд других, но в августе-сентябре 1941 г. были остановлены на всех направлениях и больше продвинуться не смогли.

Главный удар финская армия нанесла на петрозаводском направлении. Развернутая здесь армия «Карелия» в составе 6,5 дивизии, насчитывала свыше 100 тысяч человек. Ей противостояли три дивизии 7-й армии генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко. 10 июля началось генеральное наступление финнов. Советские войска оказывали упорное сопротивление, но под нажимом превосходящих сил противника отходили. 23 августа Северный фронт был разделён на Карельский и Ленинградский фронты. К началу сентября финны были уже в 40 км от Петрозаводска и достигли р. Свирь в районе Лодейного Поля. 24 сентября 7-я армия была выведена из подчинения Карельского фронта и подчинена непосредственно Ставке. Командующим армией был назначен генерал армии К. А. Мерецков. К этому времени финские войска вышли к Онежскому озеру и охватили Петрозаводск с севера и запада. Бои за город продолжались до начала октября, финны заняли его лишь 3 октября.

Продолжая наступать, финские войска форсировали Свирь, но контрудар 7-й армии позволил стабилизировать обстановку. Понеся большие потери, к концу октября финские войска на Свири и действующая здесь 163-я немецкая дивизия перешли к обороне. Таким образом, план создать второе кольцо окружения вокруг Ленинграда был сорван советскими войсками. Севернее Петрозаводска финны продолжали наступать до декабря 1941 г., но после захвата Медвежьегорска они были остановлены западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Финское наступление на Карельском перешейке началось 10 июля 1941 г. В ходе ожесточенных боев советская 23-я армия генерала П. С. Пшенникова, несмотря на превосходство в танках и артиллерии, а также поддержку Балтийского флота, понесла серьезное поражение и отступала. Прижатые к северо-западному берегу Ладоги советские части были эвакуированы кораблями Ладожской военной фло-

тилии 12–22 августа, а остальные дивизии отходили к старой государственной границе. Советские войска пытались организовывать контрудары, однако из-за плохой организации они не достигали своей цели. Упорные бои шли на Выборгском направлении, но 29 августа финны всё же заняли Выборг. 1 сентября потрепанные части 23-й армии заняли укрепления на старой государственной границе. В начале сентября финны заняли пос. Белоостров, но вскоре были выбиты оттуда советскими подразделениями. После этого интенсивность боевых действий на этом участке фронта резко снизилась, и такое положение оставалось до лета 1944 г⁷¹.

В ходе оборонительных боёв в Карелии и Заполярье советские войска понесли значительные потери и были вынуждены отступать. Но на северных рубежах Советского Союза агрессоры добился наименьших успехов и к осени 1941 года были остановлены почти на всех направлениях.

В июле-сентябре 1941 г. на главном направлении немецкого наступления — московском разыгралось ожесточенное сражение, имевшее одно из решающих значений в срыве блицкрига. По названию города, вокруг которого шли кровопролитные схватки и который считался ключом к столице, — оно получило название Смоленское. Но театр боевых действий был намного обширнее и покрывал огромное пространство, простиравшееся с севера на юг и с запада на восток на сотни километров.

Несмотря на упорные бои на реке Березина, вдоль шоссе Минск — Москва, героизм советских воинов, в т.ч. курсантов военных училищ при защите города Борисова, контрудары в районе Орши, подвижные войска группы армий «Центр» — дивизии 2-й и 3-й танковых групп и передовые соединения 9-й и 2-й полевых армий вышли к 10 июля на Днепр и Западную Двину и в ряде мест сумели форсировать их. Основные силы этих армий, задержанные сражениями в Белоруссии, отстали от подвижных войск на 120–150 км. Тем не менее, к началу наступления на Смоленск развернувшиеся немецкие войска превосходили войска Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах в 2 раза, а в танках в 4 раза. С 10 по 20 июля они прорвали оборону Западного фронта, продвинулись вперед до 200 км, окружили Могилев, захватили Оршу, Смоленск, Ельню, Кричев. 19, 16 и 20-я советские армии оказались в сложнейшем положении. В это время на левом крыле Западного фронта вела наступление на бобруйском направлении 21-я армия. Она освободила гг. Рогачев и Жлобин и сковала на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепра и Березины.

Рассмотрим более подробно, как развивались события в те жаркие июльские дни 1941 года. Обратимся, прежде всего, к замыслам и действиям германского командования.

Прорваться с ходу на Москву группа армий «Центр», имевшая мощные танковые группы Гудериана и Гота не смогла. Несмотря на то, что советские войска понесли большие потери, немецкое наступление в дальнейшем стало проходить не столь гладко, как на то рассчитывали германские генералы. В середине июля части вермахта вышли к Смоленску, где завязались ожесточенные бои с 16-й (командующий генерал-лейтенант М. Ф. Лукин), 19-й (командующий генерал-лейтенант И. С. Конев) и 20-й (командующий генерал-лейтенант П. А. Курочкин) армиями Западного фронта. ГА «Север» вынуждена была приостановить наступление, встретив упорное сопротивление советских войск на Лужском рубеже обороны. Левый фланг ГА «Юг» завяз в боях с 26-й (командующий генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко) и 5-й (командующий генерал-майор танковых войск М. И. Потапов) армиями на линиях Коростеньского и Киевского укрепрайонов⁷².

Командование ГА «Центр», желало обезопасить себя от неожиданностей в ходе дальнейшего наступления. 13 июля 1941 г. фон Бок телеграфировал главнокомандующему сухопутными войсками В. Браухичу, что намеревается сосредоточить все усилия для того, чтобы разбить отходящие за Днепр войска противника и не дать им возможность организовать новое сопротивление. Поэтому он предлагал сначала «всеми силами овладеть районом восточнее Смоленска».⁷³

16 июля передовые части Гудериана ворвались в южную часть Смоленска, а накануне соединения Гота вышли северо-восточнее Смоленска, к автостраде Минск-Москва. Завязались упорные бои за город, захват которого означал, кроме того, и новое крупное окружение войск Западного фронта. Одновременно с попытками овладеть Смоленском соединения 2-й и 3-й танковых групп стремились развить наступление к востоку от него, чтобы осуществить еще более глубокий охват советских войск. Этот охват удался, но полностью замкнуть кольцо за силами Красной Армии, действующими восточнее Смоленска у немцев не получилось, — в распоряжении советского командования оставался небольшой коридор с переправой на Днепре у Соловьева. Тем не менее, в районе западнее Смоленска части вермахта пленили 310 тыс. солдат и офицеров РККА. Ставке ВГК пришлось вводить в действие на западном стратегическом направлении третий наспех сформированный эшелон войск, который составили 29-я, 30-я, 24-я, 28-я, 31-я и 32-я армии образовавшие новый Резервный фронт. Его возглавил 30 июля генерал армии Г. К. Жуков⁷⁴.

Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством противника, который получал все новые подкрепления. По данным разведотдела штаба 2-й армии на 19 июля 1941 г. перед фронтом ГА «Центр» войсковой разведкой были выявлены части — 123-х стрелковых дивизий, 24-х танковых

дивизий, 10-ти танковых бригад, 3-х кавалерийских дивизий Красной Армии. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт — «Смоленские ворота», русские бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжения силы...» Отмечалась переброска советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза. Перед фронтом ГА «Центр» было выявлено около 20-ти вновь сформированных с начала июля дивизий, в отдельных случаях состоящих почти целиком из только что призванных запасников⁷⁵. Все это никак не увязывалось с расчетами немецкого командования решить исход кампании до линии Днепр-Двина. Группа фон Бока продвинулась до этого рубежа, но пока о крахе советской обороны не могло быть и речи. Командующие германскими соединениями столкнулись с активным противодействием сил Красной Армии как на основном фронте, так и у себя в тылу. Линии коммуникаций германских соединений подвергались постоянным атакам выходивших из окружения советских подразделений. Немецкие танки совершали вынужденные остановки из-за отсутствия горючего и запасных частей. Много неприятностей врагу доставляли новые советские бронированные машины, имевшие превосходство над германскими аналогами. В одном из документов штаба Западного фронта, адресованном начальникам штабов армий, прямо говорилось, что «танки противника с нашими Т-34 и КВ в бой не вступают». От командиров на фронте требовалось действовать смелее, так как немецкая пехота не выдерживает штыковых атак, решительно перехватывать пути подвоза, пресекать распространение всяческих панических слухов, не бояться вклинения танков в свою оборону, поскольку противник сам оказывается в этом случае окруженный нашими войсками⁷⁶.

Всё это были правильные распоряжения. Беда состояла в том, что выполнить их на практике, в условиях быстрого отступления, отсутствия хорошей связи, а, самое главное, достаточного количества опытных и решительных полевых командиров и подготовленных красноармейцев, было нереально. Опыт приобретался большой кровью.

В тот же период все явственнее обозначался разрыв между вырвавшейся вперед ГА «Центр» и отстающей ГА «Юг». Германским командованием была предпринята попытка решить эту проблему действием части сил 2-й танковой группы и 2-й армии в юго-восточном направлении. Однако разрыв между группами армий в то время устранить было невозможно, — ГА «Центр» была связана боями под Смоленском, а ГА «Юг» ничего не могла поделать с активностью 5-й советской армии Юго-Западного фронта в районе Припятских болот. Фон Бок вынужден был отметить 15 июля 1941 г. в телефонном разговоре командующим сухопутными войсками тот факт, что «на реке Днепр и восточнее ее, в настоящее

время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но исход которого еще совершенно не решен. Не следует, исходя из местной оценки, считать там общее положение слишком легким. Победа еще не одержана...».

Командующий сухопутными войсками вермахта фон Браухич в то же время отмечал: «...Не может быть и речи о дальнейшем продвижении танков на восток, после овладения районом Смоленск. Русские дерутся не так как французы, они не чувствительны на флангах. Поэтому основным является — не овладение пространством, а уничтожение сил русских...»⁷⁷.

Между тем, Гитлер, казалось, решил, что о каком-либо значительном сопротивлении русских в центре фронта речи уже быть не может. Штаб оперативного руководства вооруженных сил Германии по-прежнему рассчитывал на продолжение операций как на флангах советско-германского фронта, так и на московском направлении. Согласно директиве верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) № 33 от 19 июля 1941 г., группе армий «Юг» предстояло уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника и совместно с ГА «Центр» разгромить 5-ю армию. ГА «Север» должна была обеспечить стык 18-й армии и 4-й танковой группы и обезопасить свой восточный фланг силами 16-й армии. Многосложная задача стояла перед ГА «Центр» — прикрыть правый фланг ГА «Север»; перерезать дорогу Москва-Ленинград; помочь наступлению ГА «Юг», продвигаясь силами 2-й армии и 2-й танковой группы в юго-восточном направлении; и «осуществлять дальнейшее наступление на Москву силами пехотных соединений.»⁷⁸

23 июля 1941 г. в дополнении к этой директиве, подписанной В. Кейтелем, было указано, что группе армий «Центр» силами пехотных соединений необходимо «разбить противника, расположенного между Смоленском и Москвой и, по возможности, выдвинуть при этом свой левый фланг, овладеть Москвой». 3-ю танковую группу намечалось временно передать в подчинение ГА «Север» с задачей обеспечения правого фланга группировки во время захвата Ленинграда.⁷⁹ Вызывает удивление такое решение верховного командования Германии: бои под Смоленском были в самом разгаре, немцы несли значительные потери как в людях, так и в технике. В этих условиях ставить задачу прорваться к советской столице только пехотными соединениями было, по меньшей мере, самонадеянно. Ослабленной ГА «Центр» это было вряд ли под силу. Фон Бок указывал Браухичу в разговоре по телефону 26 июля: «русские «обтягивают» весь фронт группы армий и везде готовы к бою...»⁸⁰. Безостановочное наступление на Москву по этой причине становилось невозможным.

С 21 июля по 7 августа на Западном направлении советское командование провело контрнаступление, использовав для этой цели 14 дивизий Фронта резервных армий. Были созданы пять армейских оперативных групп (24, 28, 29, 30-й армий и оперативная

группа генерал-майора К. К. Рокоссовского), переданные с состав Западного фронта. В ходе боевых действий образовались два основных очага борьбы, один — в районе Смоленска, Ельни, другой — на реке Сож и в междуречье Днепра и Березины. По этой причине из двух армий левого крыла Западного фронта (13-я 21-я армии) и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был образован Центральный фронт под командованием генерал-полковника Ф. И. Кузнецова (с 5 августа — генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова). И хотя советские войска не смогли разгромить смоленскую группировку противника, они сорвали возможность продвижения группы армий «Центр» на Москву. 30 июля ее войска были вынуждены перейти к обороне.

Новое решение ОКВ, обозначенное в новой директиве № 34 от 30 июля 1941 г. предусматривало следующее: приостановить наступление ГА «Центр»: 3-ю танковую группу не разрешалось вводить в бой, 2-я и 3-я танковые группы должны были получить пополнение⁸¹. Впоследствии Ф. Паулюс отмечал, что ГА «Центр» «не хватало сил для того, чтобы достигнув Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок...»⁸².

Рассматривая планы немецкого командования в период июля-августа 1941 г. академик А. Самсонов делал обобщающий и довольно верный вывод: «смоленское сражение изматывало силы врага и задерживало его на главном стратегическом направлении. Возрастающее сопротивление Красной Армии не только в центре, но и на флангах советско-германского фронта сковывало наступление противника, не допускало его дальнейшего продвижения...»⁸³ Маршал Жуков в своих воспоминаниях отмечал, что оба фланга ГА «Центр» оказались открытыми, что создавало им серьезную угрозу. Без их обеспечения войска группы не могли наступать⁸⁴.

Отметим также, что немедленно возобновив наступление на восток, группа фон Бока могла бы, вероятно, прорвать фронт обороны Красной Армии на отдельных участках и улучшить свое оперативное положение, но выполнить более значительную задачу и сокрушить стратегическую оборону советских войск на западном направлении ей было вряд ли под силу. К концу июля против ее соединений стояли уже свежие советские силы. Приостановка наступления немецких войск на главном стратегическом направлении, которая не означала, однако, снижения накала боев и прекращения контратак советских войск в районе Смоленска, позволила Красной Армии пополнить личным составом поредевшие воинские части, сформировать новые и выдвинуть их (порой плохо вооруженные и недостаточно подготовленные) для укрепления обороны Москвы.

Осуществление планов верховного командования Германии оказалось под вопросом несмотря на все усилия Главного командования сухопутных

войск Германии (ОКХ) и ОКВ. В тексте дополнения к директиве ОКВ № 34, изданном 12 августа 1941 г. говорилось, что только после полной ликвидации угрожающего положения на флангах ГА «Центр» и пополнения танковых групп, будут созданы условия для наступления на Москву. Целью такого наступления было: овладение городом еще до наступления зимы, нарушение работы государственного аппарата и лишение его возможности восстановить вооруженные силы⁸⁵.

Предпосылкой к дальнейшему продвижению ГА «Центр» на восток могло стать успешное завершение уничтожения частей 16-й, и 20-й советских армий, отрезанных в районе севернее и северо-восточнее Смоленска. Однако мужество советских воинов не позволило немецкой армии добиться желаемого результата. Войска Западного фронта под командованием маршала С. К. Тимошенко предприняли энергичные меры по выводу окруженных частей на восток. В результате, основным силам 16-й и 20-й армий удалось переправиться на восточный берег Днепра у Соловьевской переправы и занять там новую линию обороны. Контрудары Красной Армии продолжались с всё возрастающей силой. Ожесточенные бои на этом участке не утихали вплоть до середины сентября 1941 г.

Немецкие войска несли серьезные потери. На начало сентября, в результате непрерывных сражений, боевая численность пехотных подразделений ГА «Центр» снизилась настолько, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах осталось в среднем один, в редких случаях два офицера, 10 унтер-офицеров и 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава⁸⁶. В некоторых танковых дивизиях группы армий (как например в 7-й тд) осталось не более 50 % боеспособных бронированных машин⁸⁷. Но и потери Западного фронта в Смоленском сражении были намного большими, о чем будет сказано ниже.

Проблема флангов наступающей группировки фон Бока в августе 1941 г. выходила на передний план. Не обезопасив их, — невозможно было проводить дальнейшее продвижение на восток. Но устранение, например, угрозы с юга, могло стоить немцам потери темпа на главном — московском направлении. С другой стороны, командование сухопутных войск вермахта не могло не видеть, что выход 2-й танковой группы и 2-й армии во фланг и тыл Юго-Западному фронту (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос) создавал очевидные перспективы разгрома советских армий, обороняющих Киевский укрепрайон и обеспечивал столь необходимый стык ГА «Центр» и «Юг»⁸⁸. Кроме того, быстрое уничтожение советских армий под Киевом давало вермахту шанс сконцентрировать затем основные силы на главном направлении и провести решающее наступление

на Москву еще до наступления морозов. Гитлер это понимал. Поэтому он, при непосредственном участии начальника штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодля, подготовил новую директиву, которая 21 августа 1941 г. была направлена командующему сухопутными войсками. В ней, в частности, говорилось:

«1. Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами...» Только при этих условиях, — указывалось в директиве, — создавались предпосылки и освобождались силы и средства для успешного наступления и уничтожения группы армий Тимошенко, то есть советских войск, прикрывавших Москву⁸⁹.

По сути дела, директива от 21 августа означала признание Гитлером того факта, что концепция молниеносной войны дала глубокую трещину. Однако окончательно отменить наступление на Москву еще в 1941 году он вряд ли бы смог, — большинство генералов на фронте отнеслось бы к такому повороту событий чрезвычайно болезненно.

Советская военная разведка отмечала признаки замешательства, возникшие тогда в высшем германском командовании. В одном из подготовленных ею документов от 24 августа 1941 г., озаглавленном как «Планы и внутривнутриполитическое положение Германии», говорилось, что провал молниеносной войны против СССР германское верховное командование старается оправдать, во-первых, отсрочкой нападения на Советский Союз в связи с войной на Балканах, и, во-вторых, неудовлетворительной работой немецкой разведки в предвоенные годы особенно в отношении истинного количества советских танков и самолетов. Германским руководством «было слабо изучено как внутривнутриполитическое положение страны, так и состояние Красной Армии». Отмечалось, что «зимнюю передышку в затянувшейся войне с СССР немецкое командование предполагает использовать для новой кампании в Средиземном море, а после ее окончания начать вторжение в Англию»⁹⁰.

Последние слова вызывают недоумение: какими, например, силами немцы хотели вторгаться на Британские острова? Однако здесь для нас важно, прежде всего, упоминание о «зимней передышке», о провале «молниеносной войны».

Но пока ни Ставка, ни Генштаб РККА, ни командование на фронте не намеревались давать немцам хоть какую-нибудь передышку. При любом удачном моменте необходимо было контратаковать врага и попытаться отбросить его на запад. В конце июля-начале сентября 1941 г. фокус наступательной активности советских войск обозначился в районе г. Ельня. Взятие немцами в середине июля этого районного города, который оказался в центре т. н. ельнинского выступа, поначалу не вызвало серьезного беспокойства у начальника Генштаба Г. К. Жукова.

Это направлении, в любом случае, по его мнению, было прикрыто надежно⁹¹. Однако германский прорыв к Ельне сильно взволновал Сталина, он считал, что здесь возник опасный плацдарм для удара на Москву. Кстати, в качестве «передовой линии для дальнейшего продвижения вглубь страны» район Ельни рассматривали тогда и сами немцы. Эту мысль высказал на допросе в советском штабе пленный ефрейтор Ф. Митерман в августе 1941 г.⁹² Жукову и командующему Западным фронтом было поручено отбить Ельню. Уже 22 июля 1941 г. командующий оперативной группы 28-й армии генерал-майор П. Г. Егоров отдал приказ на уничтожение противника, прорвавшегося к городу⁹³. Но боевые действия с окопавшимися германскими частями приняли здесь затяжной характер и продолжались до начала сентября.

В то же время советские войска провели на Западном фронте ряд других наступательных операций с целью предотвратить дальнейший натиск немецких сил на Москву и по возможности разгромить ударные группировки ГА «Центр», нацеленные на советскую столицу.

Не все получалось гладко, советские войска продолжали преследовать неудачи. Так, войска Западного и 24-й и 43-й армий Резервного фронта 16 августа, наряду с ударами в районе Ельни, развернули наступление против духовщинской группировки врага, однако, добиться большого успеха не смогли. С 22 августа советское командование расширило масштабы наступления, стремясь нанести крупное поражение группе армий «Центр» и сорвать ее продвижение в южном направлении. Но и это наступление ни к чему не привело. В то же время, усиленный новыми частями Резервный фронт, который возглавил генерал армии Г. К. Жуков, все же одержал вскоре серьезную победу. К началу сентября ему удалось срезать плацдарм немецких сил, создававший реальную опасность всей обороне Красной Армии на московском направлении.

В период с 30 августа по 8 сентября 24-я армия Резервного фронта под командованием генерал-майора К. И. Ракутина разгромила ельнинскую группировку и заставила ее отступить с оперативного выступа площадью свыше 625 кв. км. Под Ельней родилась и советская гвардия. 18 сентября приказом наркома обороны за массовый героизм и проявленное воинское мастерство в боях под этим городом, первыми в Красной Армии были удостоены звания гвардейских два соединения 24-й армии — 100-я и 127-я стрелковые дивизии, став соответственно 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Этим же приказом в 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии были преобразованы 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

10 сентября Смоленское сражение завершилось. Войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне. Расчеты противника на безостановочное продвижение к Москве были сорваны. Самая сильная группировка немец-

ких войск — группа армий «Центр» — вынуждена была перейти к обороне и отложить на два месяца наступление на московском направлении. Ее потери с начала войны и до конца сентября 1941 г. составили 229 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Смоленское сражение явилось важным этапом в срыве Красной Армией плана «Барбаросса». Но этот успех она оплатила большой кровью. Общие людские потери советских войск в этом сражении составили почти 760 тыс. человек, из которых 486 тыс. (64%) — потери безвозвратные⁹⁴.

В августе 1941 г. фланговая угроза ГА «Центр» обострилась, советские войска Юго-Западного фронта не думали уступать врагу столицу Украинской ССР. Гитлер 6 сентября принимает решение, которое должно было решить двойную задачу — уничтожить советские части на южном фланге Восточного фронта и открыть перспективу решающего удара по столице СССР. К моменту завершения приграничных сражений ситуация на Юго-Западном направлении развивалась следующим образом.

Германское командование решило отложить наступление на Москву до тех пор, пока не будет ликвидирована созданная Красной Армией угроза флангам группы армий «Центр», и, прежде всего, ее южному флангу. С этой целью оно 8 августа развернуло на юг 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу. Войска Центрального фронта не выдержали их удара и отступили к юго-востоку, оголив фронт на брянском направлении. Для его прикрытия 16 августа был создан Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко.

19 августа Ставке стало известно о повороте 2-й танковой группы генерала Гудериана в южном направлении. Сознвая угрозу тылу Юго-Западного фронта, она разрешила отвести его войска на левый берег Днепра. Однако столицу Украины Киев (на правом берегу реки) необходимо было удерживать в любом случае. Киев защищали войска, объединенные под командованием 37-й армии генерала А. А. Власова (в будущем печально известного руководителя т. н. «Русской освободительной армии», созданной германским командованием для борьбы с РККА). Кроме того, по реке Десна против 2-й танковой группы разворачивалась советская 40-я армия. К 21 августа соединения противника продвинулись вперед на 120–140 км и глубоко вклинились между Брянским и Центральным фронтами, создав угрозу флангу и тылу действовавшему на киевском направлении Юго-Западному фронту. Но к концу месяца обстановка на время стабилизировалась. Немцам не удалось сходу форсировать Днепр, и они завязли в боях за Киев.

Киевляне готовы были любой ценой отстоять свой любимый город. Тысячи людей вступали в народное ополчение. (В Красную Армию добровольно вступило 200 тыс. чел.). Десятки тысяч людей трудились

на строительстве оборонительных сооружений. Необходимо отметить, что Ставка также не намерена была сдавать город. Еще во время встречи Сталина с посланником Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом в конце июля 1941 г., когда обсуждались важнейшие проблемы организации военной помощи СССР со стороны США, советский лидер заявил, что линия фронта к концу года будет проходить западнее Киева, и город не будет сдан врагу. Сталин мыслил категориями и стратегии, и международной политики, и морального фактора. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняло международное положение СССР в плане падения доверия к возможностям РККА со стороны Великобритании и США, больно ударило по чувствам советских людей (не только украинцев, но и русских, и представителей других национальностей), видевших в Киеве свой город, который не должен пасть на растерзание врагу. Киев нужно было держать. И в этом смысле понятен резкий отказ Сталина прислушиваться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г. К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра, и тем самым эвакуировать город⁹⁵. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, Сталин — более широкого спектра политических и моральных причин. После конфликта между Сталиным и Жуковым по поводу Киева, Жуков был отправлен командовать Резервным фронтом для того, чтобы организовать, в том числе, наступление на плацдарм противника в районе Ельни.

Следует высказать и еще одну критическую мысль относительно нежелания Сталина отводить войска на левый берег Днепра в августе — начале сентября 1941 г. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что советский лидер осознавал, что большинство командиров Красной Армии в то время просто не могли осуществлять крупные отступательные операции. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля — начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в Уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет та же участь в случае их отступления за Днепр от столицы Украины, отнюдь не было. Кроме того, отдать врагу Киев означало «самоликвидировать» угрозу флангу группы армий «Центр». В этом случае наступление на Москву Гитлер мог начать уже в конце августа.

Судьба Киева решалась не на позициях Киевского УРа, а южнее и севернее столицы Украины. Группа Гудериана столкнулась с упорной обороной 40-й армии и сильными контратаками с левого фланга войск Брянского фронта. Но с 9 сентября Гудериан перешел в наступление, прорвал оборону 40-й. Контрудары Брянского фронта Еременко, ранее по-

обещавшего Сталину «разбить подлеца Гудериана» к успеху не привели. Между тем еще 31 августа пехотные части 17-й армии Клейста смогли захватить южнее Киева небольшой плацдарм на левом берегу Днепра в районе Кременчуга. 38-я армия пыталась исправить ситуацию, но тщетно. В начале сентября на кременчугский плацдарм была переброшена вся 1-я танковая группа. К северо-востоку от Киева противник занял плацдармы на южном берегу Десны. Ситуация становилась угрожающей. Командование Юго-Западного фронта воочию видело приближающееся окружение и коллапс всей обороны советских войск на этом направлении.

В начале сентября командование Юго-Западного фронта и Генеральный штаб в полную силу забили тревогу. Теперь уже новый начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников и его заместитель генерал А. М. Василевский предложили Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но Сталин оставался при своем мнении — Киев не сдавать! Тот же отказ получили 10 сентября командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос и главком Юго-Западного направления маршал С. М. Буденный (вскоре Буденного на своем посту сменил маршал С. К. Тимошенко).

На новое предложение Кирпоноса отвести войска от Киева, чтобы парировать удар Гудериана, маршал Шапошников в переговорах по прямому проводу со штабом Юго-Западного фронта заметил:

- «1. Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваше предложение пока преждевременным.
2. Что же касается средств для парирования вылазок п ротивника (*sic!* — М. М.) на Вашем правом фланге, то я предложил Вам свой вариант решения (речь шла о переброске части сил на север с малоугрожаемых участков, о необходимости бить врага авиацией, но не о сдаче Киева. — М. М.). Может быть, Вы найдете иной выход для укрепления правого фланга...»

Кирпонос согласился следовать указаниям Ставки, и можно догадываться, что у него тогда творилось на сердце. «Если наше предложение о КИУРе отпадает, — отвечал он, — другого выхода нет. У меня все.

Шапошников: О КИУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно. Пока все. До свидания.

Кирпонос: Хорошо. Будем выполнять. До свидания»⁹⁶.

Сталин все еще надеялся, что Еременко все-таки удастся прорваться в тыл Гудериану, поэтому он запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

14 сентября в 3 часа 25 минут генерал-майор В. И. Тупиков, начальник штаба Юго-Западного фронта, через голову Кирпоноса обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба Главкома Юго-Западного направления с телеграммой, в которой, охарактере-

ризовав тяжелое положение войск фронта, закончил доклад фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. В ответ пришла телеграмма Шапошникова с обвинениями Тупилова в паникерстве следующего содержания:

«Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН.

Генерал-майор Тупилов номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова [21 А] и Потапова [5А] прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина, данные вам 11.9. Б. Шапошников».

Эта телеграмма в последние годы публиковалась неоднократно. Однако рассекреченные недавно документы Архива Министерства обороны позволили нам взглянуть на подлинник документа, подписанный лично Шапошниковым. Оказалось, что в нем зачеркнуты несколько строчек, уточняющих позицию Генштаба РККА, которые Борис Михайлович, очевидно, решил не передавать исходя из особенности момента — необходимости быть жестким и кратким. Кирпонос должен выполнить указания, а все объяснения оставлены на потом. Вот эти строчки: после слов «Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход», Шапошников писал: «Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе»⁹⁷. Вероятней всего, на ту минуту Шапошников был прав. Советские войска слишком затянули с отходом. И еще одна любопытная деталь, обнаружившаяся в рукописном подлиннике телеграммы маршала, в абзаце со словами «Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина, данные вам 11.9.» были зачеркнуты строки о том, что это указания «Ставки Верховного главнокомандования», и оно было дано «при личном разговоре со Сталиным»⁹⁸. Ушедший в штаб Кирпоноса конечный вариант, пожалуй, четче концентрирует внимание на личности человека, отдавшего распоряжение не оставлять Киев.

В 4 часа утра 15 сентября Кирпонос передал следующую телеграмму Ставке: «Москва. Товарищу Сталину. Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева»⁹⁹. В разговоре по прямому проводу с Главкомом и членом Военного совета Юго-Западного направления, С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущевым, около 18.00 15.09.1941 г. Шапошников заметил: «Считаю, что мираж окружения

охватывает, прежде всего, Военный Совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией (А. А. Власова. — М. М.)... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику». Тимошенко и Хрущев были согласны с тем, что командование Юго-Западного фронта пассивно и не организует мощных контрударов по врагу¹⁰⁰.

Но в тот же день, 15 сентября, ожидаемая «катастрофа» свершилась. В районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма, кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5-й, 26-й и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии; всего 452,7 тыс. чел¹⁰¹. В сцену трагедии 16 сентября был добавлен еще один штрих, когда командующий фронтом Кирпонос не стал сразу исполнять устный приказ Тимошенко (переданный через начальника оперативного управления штаба Юго-Западного фронта И. Х. Баграмяна) на немедленный отход войск, отданный им после переговоров с Москвой. Он помнил предыдущий запрет Сталина на отступление и потребовал письменного подтверждения. Пробиваться из кольца стали только на следующий день, но к тому времени возможность сделать это организованно была уже утеряна.

Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября 1941 г. они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября почти в полном составе погибло управление Юго-Западного фронта, в т.ч. генерал Кирпонос. Командующий 5-й армией Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около 15 тыс. чел.). Красная Армия лишилась 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. По немецким источникам в районе Киева было захвачено около 665 тыс. чел¹⁰². По отечественным данным весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. — 531 тыс. чел¹⁰³. Защищая столицу Украины, советские войска понесли тяжелое поражение. Через день после прихода нацистов в Киев оккупационные власти развернули в городе массовые репрессии против мирных граждан, десятки тысяч евреев, подпольщиков и военнопленных были расстреляны в овраге Бабьего яра.

Немецкие передовые части стремились на восток. В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта, 16 октября пала Одесса, 17 октября — Таганрог, 25 октября — Харьков, 2 ноября — блокирован Севастополь. У немецкого командования, казалось, появилась возможность быстро захватить Ростов на Дону и уже к концу года выйти к кавказским сырьевым источникам. В то же время 2-я танковая группа Гудериана (преобразованная

во 2-ю танковую армию) шла усиленным маршем в северо-восточном направлении. Перед ней стояла задача участвовать в захвате Москвы. Таким образом, поражение советских войск под Киевом способствовало выполнению германским командованием главной задачи кампании — овладению советской столицей. Захват Москвы должен был, по сути, означать военное и политическое крушение СССР.

Но сегодня ясно и другое — Гитлер не смог бросить все силы на захват Москвы, не взяв Киева, не обезопасив южный фланг ГА «Центр». Немцы повернули свои войска с главного направления, потеряв при этом время и силы. Благодаря отсрочке наступления на столицу, Советскому Союзу удалось подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но основная масса свежих советских соединений перебрасывалась к Москве и участвовала впоследствии (начиная с конца октября–ноября месяца) в Московской битве. Во многом благодаря этим резервам столица была спасена.

Некоторые современные исследователи отмечают, что войска Юго-Западного фронта с начала сентября в любом случае были обречены на тяжелое поражение¹⁰⁴. Потеря огромного количества войск катастрофическим образом сказалась на всей оборонноспособности Красной Армии. Положение не спас и прибывший на юг с западного направления новый командующий Юго-Западным фронтом маршал С. М. Тимошенко. Вывести из окружения основные силы фронта было уже не в его силах. В брешь, образовавшуюся восточнее Киева, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта. В то же время новым командующим Западным фронтом стал генерал И. С. Конев.

Некоторые детали причин поражения советских войск под Киевом, неудачи прорыва на восток присутствуют в докладе Шапошникову и Тимошенко заместителя начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора Баграмяна. В документе, написанном по свежим следам и под впечатлением от только что перенесенного поражения, 29 сентября 1941 г., Баграмян, в частности отмечал, что в критической обстановке выхода немцев в тыл фронта, генерал-полковник Кирпонос «...принял следующее решение на общий вывод войск из окружающего кольца: 21 армия, отойдя в течение ночи с 17 на 18 сентября на рубеж Брагинцы, Гниденцы, своими главными силами должна была нанести удар в общем направлении на Ромны навстречу удару, предпринимаемому 2-м кавкорпусом с востока в направлении на Ромны.

5-я армия — ... вспомогательный удар на Лохвица.

37-я армия, выведя войска из Киевского УР и создав ударную группировку на Яготин, Пириятин за 5-й армией.

26-я армия — Лубны...

Выводы: Основной причиной окружения 4-х армий фронта и неспособности 5-й и 21-й армий к выходу из окружения, является слишком запоздалое принятие решения на оставление Киева и на выход из окружения. Основным и грозным противником, приведшим к потере частями 21-й и 5-й армиями боеспособности, оказался не столь противник, вышедший в тылы, сколь сильная группа его войск, наступающая с севера против этих армий. Под ударами этой группы 5-я и 21-я армии непрерывно откатывались на юг, все время неся большие потери. Истощение дошло до такого предела, что еще до выхода подвижных групп противника в тыл 21-й и 5-й армий, последние почти полностью потеряли свою боеспособность. Появление же мелких групп мотомехчастей противника в непосредственном тылу наших войск еще в большей степени ускорили темпы их деморализации.

К началу выхода из окружения боеспособность сохранила лишь одна 289 сд, оборонявшая район Пириятин. Из окружения выходила бесформенная и дезорганизованная масса, состоявшая главным образом из тылов»¹⁰⁵.

С этими выводами генерала (впоследствии маршала) Баграмяна будет трудно не согласиться.

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград оказался между двух огней. С юго-запада, через Прибалтику, к городу устремилась немецкая группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб). С севера и северо-запада на город нацелилась совместно с немецкими войсками финская армия (командующий маршал К.-Г. Маннергейм). Согласно плану «Барбаросса» захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы. Битва за Ленинград стала самой продолжительной в войне — с 10 июля 1941 г. до 9 августа 1944 г. С противником вели борьбу сухопутные войска советских фронтов (в начале войны: Северо-Западного, Ленинградского, Волховского, Карельского), Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской и Онежской флотилий, авиационные части и соединения, сами жители Ленинграда. На стороне противника действовали испанская дивизия, норвежские и шведские «добровольцы».

Уже к 1 июля противник, располагавший большим превосходством в силах, захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. Когда 9 июля был захвачен Псков, возникла непосредственная угроза Ленинграду. Еще 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны (председатель А. А. Жданов). В тот же день сильный удар по советским войскам в двухстах километрах северо-западнее города нанесла финская армия, целью наступления которой являлись Ленинград и Петрозаводск. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева для обороны Лужского рубежа.

Вокруг Ленинграда на дальних и ближних подступах развернулось строительство нескольких полос обороны. 29 июня началась эвакуация из города детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что противник будет остановлен на дальних подступах к городу. Сложная обстановка складывалась на море. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Краснознаменного Балтийского флота перебазировались в Таллин, но как показали последующие события, временно. Самоотверженно защищали дальние подступы к Ленинграду наши пехотинцы, моряки, летчики. Ценой огромных потерь именно они, ведомые своими командирами и комиссарами, остановили наступление противника у стен города. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имела оборона Таллина, Моонзундского архипелага и п-ва Ханко, Лужского рубежа, сражение на ближних подступах к Ленинграду.

Подвиг совершила охрана водного района Пяру во главе с флагманским минером старшим лейтенантом П. Вольским, затопившая 7 июля под огнем противника на входе в порт стоявшие там суда. Этот важный для немецкого командования узел транспортировки и снабжения войск надолго был выведен из строя. Краснознаменный Балтийский Флот (КБФ) оказал огромную помощь в обороне Ленинграда. Несмотря на нарушение системы базирования КБФ с потерей Либавы (Лиепаи), Виндавы и Риги, драматической эвакуации сил флота из заблокированного Таллинна и военно-морской базы с полуострова Ханко, Балтийский флот продолжал активные действия. Базируясь в Кронштадте и в устье Невы корабли КБФ наносили артиллерийские удары по наступающим сухопутным частям противника, препятствовали проникновению его надводных и подводных судов в устье Финского залива, помогали отражать своими зенитками воздушные атаки врага, и до конца 1942 г. (пока немцы и финны не перегородили специальными сетями Финский залив), подводные лодки КБФ вели успешные операции на морских коммуникациях противника в Балтийском море.

Наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград началось 10 июля. Противник, нанеся удары с нескольких направлений. 19 августа советские войска оставили Новгород, 20 августа Чудово. Финская армия прорвалась к Карельскому перешейку. Создавалась угроза окружения города. Красная Армия оказывала ожесточенное сопротивление на всех линиях обороны. Героически сражались дивизии народного ополчения. Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования своими организационными решениями (создание Ленинградского и Карельского фронтов, смена командования, эвакуация населения, промышленных предприятий и другие) стремились укрепить положение города. В конце августа противник возобновил наступление. 31 августа была

перерезана дорога Москва – Ленинград. 8 сентября город был окружен. В кольце блокады оказались более 2,5 млн. гражданского населения, войска Ленинградского фронта. С этого дня сообщение с городом стало возможно только по Ладожскому озеру и по воздуху. Каждый день Ленинград стал подвергаться артиллерийскому обстрелу и каждую ночь — воздушным налетам.

После овладения противником Шлиссельбургом Ленинградскому фронту и 54-й армии Волховского фронта была поставлена задача попытаться сходу прорвать блокаду города на Неве. Наступление 54-й армии началось без предварительной подготовки, что не замедлило сказаться на неудачном исходе операции. Войскам Ленинградского фронта удалось захватить плацдарм на реке Неве, но продолжение удара в районе Синявинских высот наткнулось на ожесточенное сопротивление немцев. Попытка сломить оборону противника в октябре 1941 г., дальнейшего объединения всех сил, действовавших на восточном и западном берегу Невы в районе Московской Дубровки, в составе 8-й армии, ввод в бой коммунистических полков Ленинградского фронта, к сожалению, так и не привел к деблокаде города.

Блокада грозила ещё более страшной трагедией — голодом. 30 августа правительство приняло постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которым предусматривалась доставка в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего, однако осуществить это постановление было крайне трудно. В связи с создавшимся положением в Ленинграде была направлена комиссия во главе с заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым. По результатам её работы принимались важные решения. Вот как вспоминает об этом Г. Жуков, вызванный в Кремль из-под Ельни, где он руководил успешной операцией советских войск. «Мы ещё раз обсудили положение с Ленинградом, — сказал Сталин. — Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга... Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом»¹⁰⁶.

Приезд Жукова и принятые им меры укрепили оборону города, но прорвать блокаду не удалось. Ещё 2 сентября пришлось усилить режим экономии продуктов питания. Рабочие и инженеры получали по 600 г. хлеба в день, служащие — 400, иждивенцы и дети — 300 г. 11 сентября норму уменьшили. Хлеб стали выпекать с различными примесями — солодом, жмыхом и т. д. Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км.

Но взять Ленинград с ходу не удалось. Отправка 17 сентября 4-й танковой группы на московское направление для участия в наступлении на советскую столицу, это подтверждала. «Свидетельства, поступавшие с фронта, были верными: немцев остановили. Им нанесли страшный урон, — пишет в своей драматической книге, посвященной блокаде Ленинграда, известный американский журналист Г. Солсбери. — Некоторые немецкие дивизии потеряли две трети личного состава. Но эти потери были несравнимы с потерями тех призрачных дивизий, которые им противостояли. Советские части были обескровлены»¹⁰⁷.

21 сентября Гитлеру представили доклад по вопросу о Ленинграде. На следующий день была утверждена директива «Будущее Петербурга», в которой говорилось:

- «1. Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После разгрома Советской России существование этого огромного города не будет иметь никакого смысла. Финляндия также сообщила нам, что она не заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с её новыми границами.
2. Прежние требования военно-морского флота сохранить верфи, гавань и военно-морские сооружения известны, однако их выполнение невозможно в связи с главным решением вопроса о Петербурге.
3. Предлагается плотно блокировать город и сравнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха. Если в результате создавшейся в городе обстановки, последуют заявления о сдаче города, они должны быть отклонены...».

Угрожающее положение сложилось с топливом и электроэнергией. Но наиболее тяжелым испытанием стал голод. С 20 ноября 1941 г. были установлены самые низкие нормы выдачи хлеба по карточкам: рабочим и инженерно-техническим работникам — 250 г, служащим, иждивенцам и детям — 125. Частям первой линии и боевым кораблям — 500 г, летно-техническому составу ВВС — 500 г, всем остальным воинским частям — 300.

Началась массовая гибель населения. Только в декабре умерло 53 тыс. человек (больше чем за весь 1940 г.). Однако оборона города на Неве сковывала соединения группы армий «Север», не давала германскому командованию перебросить их на московское направление. В ином случае советскому военному руководству пришлось бы отбиваться от намного более мощных германских сил, обороняя советскую столицу, и в этом случае Москва могла не устоять, что ставило СССР на грань военной катастрофы.

Период с середины до конца сентября 1941 г. можно назвать временем относительной стабилизации на западном направлении советско-германского

фронта. Само это понятие не означало окончание кризиса, но появились надежды, что ход войны может в скором времени измениться — подход новых частей РККА перетянет чашу весов в советскую пользу, немцы дрогнут и начнут откатываться на запад. Эти надежды, как может показаться сегодня, были достаточно наивными. Они не учитывали общий ход боевых действий, планы германского командования, остающийся ресурс военной мощи вермахта. Вскоре ГА «Центр» развернула решительное наступление на Москву, и Красная Армия вновь оказалась в критическом положении. Но несколько драгоценных недель для обороны столицы были все же выиграны, и они, безусловно, сказались на последующем ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

В конце лета 1941 г. у советского командования Западного направления возникло стремление использовать относительную передышку для обобщения уже накопленного опыта войны, уяснив себе, в чем предвоенные установки оказались верными, в чем ложными. Речь не шла пока о всеохватывающих выводах и заключениях, для этого пока не пришло время, не было и достаточных источников. Однако ряд замечаний был сделан. В этой связи представляются интересными наблюдения по итогам сражений начального периода войны генерал-лейтенанта С. А. Калинина¹⁰⁸, находившегося в августе 1941 г. при штабе Западного фронта.

Генерал-лейтенанту С. А. Калинину, командовавшему до этого войсками 24-й армии, Военным советом Западного фронта было поручено представить доклад по опыту боевых действий первых месяцев войны. 25 сентября такой документ под заглавием «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя», был подготовлен. Естественно, что на тот момент материал составлял военную тайну и был адресован только для высшего командного звена фронта. Документ отражал неприкрытую правду войны. Генерал достаточно четко выделил особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий — организацию ими ударов во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время, Калинин, возможно раньше, чем кто-либо другой в РККА, отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание зарываться далеко вперед. Весьма интересны замечания генерала относительно способов окружения немцами частей Красной Армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Вывод о том, что строевая подготовка РККА должна быть поставлена во главу угла обучения войск, — можно назвать достаточно спорным. Но трудно отрицать тот факт, что многие советские части летом–осенью 1941 г. не проявляли достаточной стойкости в обороне. Естественно, од-

ной строевой выучки для этого мало, но без нее не добиться желаемой сколоченности подразделений, частей и соединений.

В Докладе делается также ряд обобщений стратегического характера. Они обращают на себя особое внимание. Калинин отмечает, в частности ошибки командования Западного и Прибалтийского особых военных округов в выносе развертывания к границе, но в то же время говорит, что было время исправить их в соответствии с «большим, гениальным решением» строить оборону по линии Осташков, Дорогобуж, Рославль, где боеспособные войска РККА были бы сильнее немцев. Необходимо заметить, что такое решение действительно было принято перед самой войной, 21 июня 1941 г., на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Рубеж обороны предполагалось строить вдоль рек Днепр и Десна — от Осташкова на Трубчевск.

Текст документа свидетельствует, что его автор проделал большую статистическую работу, обобщил некоторые данные о потерях Западного фронта (безвозвратных и санитарных). Однако к некоторым выводам генерала следует отнестись чрезвычайно осторожно. Приведенная им цифра о том, что 10% ранений военнослужащих Западного фронта стали результатом самострела — основана, прежде всего, на известном чувстве «недоверия». Случаи членовредительства конечно же имели место в наших войсках (они есть во всех армиях, особенно в тяжелые

времена), но подсчитывать их процент на основе непроверенных и скудных донесений представляется абсолютно не правильным.

Ряд предложений С. Калинина относящиеся к улучшению подготовки войск, ведения боя являются дельными и на тот момент очень своевременными. Сейчас трудно сказать насколько полно ими воспользовалось командование Западного фронта, а в последствии, возможно, и высшее военное руководство страны. Но факты свидетельствуют: некоторые последующие приказы Генштаба и Наркомата обороны содержат те же положения, что и в докладе генерала. Это касается директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и т. д.¹⁰⁹ (Доклад Калинина. См. Док. № 1 в конце статьи)

В конце августа 1941 г. германское командование стало опасаться, что до начала зимы кампания в России не будет завершена, — тем более, что группировка советских войск на московском направлении в августе месяце значительно усилилась. В противоборстве Германии с Советским Союзом наступал новый этап. Немецким генералам было ясно, что о легком продвижении в направлении советской столицы придется забыть. Шел третий месяц войны. В предыдущих боях Красная Армия понесла огромные потери. Но испытания на этом не закончились.

Документ № 1. Доклад генерал-лейтенанта С. А. Калинина военному совету Западного фронта «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя», 25 сентября 1941 г

Военному Совету Западного фронта. 25 сентября 1941 г.

1. Сильные стороны германской армии:

Стойкость в обороне. Даже мелкие группы иногда прочно удерживают местность, применяя маневр по фронту и из глубины. Искусное использование местности, наблюдательных пунктов, способность быстро превращать их в опорные пункты. Хорошее взаимодействие основных родов войск в наступлении. При этом главную роль играют авиация и танки, работающие строго в интересах пехоты, иногда повторяя по несколько раз свою работу по требованию последней. Сильный минометный огонь и, видимо, хорошая обеспеченность минометами, насыщенность автоматического огня.

2. Слабые стороны врага:

Основное, что определяет все рода войск, особенно пехоту, — это боязнь потерь. Явление это резко выражено, оно заставило германское командование отступить от классических форм ведения операции и боя. Но об этом ниже. Неспособность наступления на подготовленную оборону. Это, по видимому, связано с недостатком артиллерии. Боязнь ночных действий, боязнь штыка и, как следствие, не применяют контратак. Небрежность в службе обеспечения, это, по видимому, результат самомнения.

3. Как вывод, немецкая тактика и стратегия приспособились к этим конкретным условиям. Наступление ведется на широком фронте, обычно робко, за огневой завесой. Танки также двигаются скачками, ведя с остановок огонь по рубежам. Если нарываються на сопротивление — останавливаются. Иногда делают

повторную попытку, но и эта попытка ведется без настойчивости, обычно достаточно вывести из строя 3–5 танков, чтобы последовал окончательный отказ от наступления в данном направлении. Вообще лобовых атак немцы избегают, излюбленные: фланг-стык.

Зато там, где нет достаточного сопротивления, двигаются в быстром темпе до тех пор, пока не встречаются с сопротивлением. При этом немцы не боятся за фланги и в обнаруженный пустырь продвигают возможно больше сил, с последующем распространением в стороны, чем завершается окружение остающихся в промежутках наших частей. По видимому, немцев не смущает и то обстоятельство, что это движение в пустыри выводит их к цели окружными путями, с затратой значительно большего времени.

4. Примерно с первых чисел августа отчетливо выявилось поведение немцев, которое выражается формулой: стратегически наступать, тактически — обороняться. На всем Западном фронте с начала августа ни разу не было сосредоточения крупных сил и не сделано попытки прорваться на московском направлении по образцам войны 1914–1917 гг. Попытки под Ярцево, Ельней, Брянском не могут равняться ни по сосредоточению войск, ни по настойчивости, ни с одной крупной операцией периода первой мировой войны.

5. Оборона также резко отличается от прошлого. Оборона состоит из отдельных опорных пунктов, занятых небольшим числом бойцов, но с большим сосредоточением огня автоматов и минометов на наиболее важных направлениях с резервами в глубине. Во многих случаях немцы не вели упорной обороны передней полосы, а при появлении наших танков, часто бросали все и убегали, уступая 5–6 км глубины. После чего вступали в дело оставленные в тылу автоматчики «кукушки». Характерным примером является ввод резервов в один или оба фланга, — то, что у нас в военной литературе называлось — «рубить под корень». Обычно сперва появлялась на флангах группа мотоциклистов, и, если уж наш боевой порядок прошел в глубину [обороны противника] и не встретил сопротивления, то немцы занимают старые свои окопчики. Затем появляются танки 10–20 штук, мотопехота. Во многих случаях у нас не оказывалось достаточной глубины, и дело кончалось тем, что к ночи наши выходили из окружения и положение восстанавливалось. Это ловушка в новом издании. Немцы широко применяют ловушки, сознательно заманивая в них, особенно, когда заметили прибытие свежей части — еще не обстрелянной. Иногда заманивают довольно далеко. Я подозреваю, что умышленно бросают кое-что из вооружения, чтобы у наших частей усилилось впечатление о победе, — а на деле настал самый опасный момент.

6. Сила немцев в огне, и они это знают и используют его на всю мощь. Маневрирование огнем поставлено хорошо. В целях корректировки по новому применили показ целей ракетами, тассирующими пулями, «кукушками», оставленными в тылу, и при всем при этом стрельба немцев не является меткой. До штыка дело не доводится. Мы приняли это, как боязнь. В основном, это верно. Но не надо забывать, что это может проявляться сознательно. Известный всем генерал Людендорф в своих воспоминаниях в нескольких местах ругает себя за то, что весь 1914 и 1915 гг. войны они очень много дрались. Не считались с потерями и, тогда он уже рекомендовал, не доводить дело с русскими до штыкового удара, в котором численное превосходство последних в конце концов возьмет верх. Эти его советы, по видимому, восприняты армией.

7. Большую роль во всех видах боя немцы уделили устрашению. Напугать, — исходя из правила: кто испугался, то наполовину побежден. Это отчетливо выявилось во всех приемах боя и даже в конструкции и окраске орудий, танков, самолетов. Для этого выбирается самый подходящий момент, обычно под вечер, когда перипетиями дневного боя нервы накалены, появляются группы самолетов, танков, отдельных автоматчиков на флангах и в тылу, и все это начинает отчаянную стрельбу, часто бесцельную. Спокойные войска могли бы радоваться, видя как зря расходуются снаряды. Однако на уставших в дневном бою это иногда действует плохо. А тут еще случайно или умышленно диверсантами перережут провода, и связь перестает действовать. В такие минуты даже крепкие нервы начинают сдавать.

С целью устрашения немецкая авиация сбрасывала на голову пехоты пустые консервные банки, железнодорожные костыли и гайки, обрубки рельс, иногда применяя пикирование с сильным воем, но не сбрасывая никаких бомб. То же самое, по своему, делали танки. Беспорядочно стреляя по рубежам, подходили к нашей обороне, и если нашими передовыми частями не проявлялось стойкости, тогда танки смело бросались вперед, за ними мотопехота, и все их старание направлялось на нанесение возможно больших потерь. Для устрашения применяется даже такое, на первый взгляд невинное средство, как ракеты. Ночью пускают их с разных мест и в разных направлениях. При этом иногда кричат — «русс — уходи, окружим». Воскрешение азиатской тактики.

8. По ночам, особенно когда замечают признаки подготовки к ночному бою, немцы жгут деревни, переселки, выбрасывают массу осветительных ракет и время от времени открывают огонь из автоматов и минометов.

Окопы роют небрежно. Это яма — пол или три четверти метра глубиной, в которой можно, вытянувшись, лечь. На дне солома, колхозное одеяло или большая шаль, — вот и все. Бруствер совсем не рассчитывается на то, чтобы его не пробила пуля, просто маленькая насыпь — бугорок слегка замаскированный. В местах, где фронт на несколько дней стабилизировался, находили окопы полного профиля

с козырьками, минированные поля, заранее подготовленные проволочные заграждения... использовались танки свои и захваченные наши, как «ДОТы»... но все это на главных направлениях, — сплошного фронта нет. Минометы располагаются обычно непосредственно за домом, сараем, за группой деревьев, в овраге. Обнаружить их является весьма трудным делом. Обычная картина — огня много, а откуда он ведется не видно, целей нет. Наша артиллерия вынуждена стрелять по площадям. Нет целей для авиационной бомбардировки. Однако такой порядок в большинстве оказывался устойчивым. Требуется хорошая организация наступления, чтобы проломить его.

Вывод:

Немецкая армия искусно ведет ближний бой, сознавая, что в массовом огне их главная сила. В основном германская армия продолжает верить в свое превосходство. В плен сдаются, когда некуда деться. Дерутся упорно, применяя маневр. Когда имеют успех — смело его используют, а в обороне сами очень чувствительны к флангам и тылу. Как только создалась угроза — уходят, не дожидаясь окружения. Быстрота маневра, по видимому, результат доктрины. Надо думать, что все делается по частному почину, в том числе и частичный отход. Но есть уже признаки боязни зарываться вперед. Было много случаев, когда немцы останавливались перед призраком. Появляется осторожность, а за ней следует бессилие и страх. Это и будет момент заката славы германской армии.

Войска Западного фронта:

1. Сильные стороны: преданность Социалистической Родине, безоговорочное доверие советской власти и высокая сознательность. Эти чудесные качества выявились положительно во всех родах войск. Массовые случаи невиданного героизма, самопожертвования. Бой в окружении, бой в тылу врага, выход целых частей, групп и одиночных бойцов из окружения. Отрезанные группы бойцов не складывают оружия, а иногда целыми месяцами пробиваются к своим, продолжая священную войну в тылу. Ничего подобного не знала старая армия.

Сильная артиллерия, — она не раз срывала наступление противника. Сейчас нет возможности установить точно, но вероятно, две трети всех потерь немцы несут от огня нашей артиллерии. Храбрость пехоты и, особенно, старшего звена начсостава. Редки случаи, когда он покидал поле боя после первого ранения. Ожесточенно дерется пехота, это подтверждает тот факт, что более 70% потерь падает на тяжело раненых. Упорство в обороне. Хорошее использование местности, умелая маскировка. Все это заставляет немцев идти ощупью, выбрасывать массу металла зря, по площадям, при этом часто никем не занятым.

2. Слабые стороны: на них я вынужден остановиться с большей подробностью для того, чтобы многие недостатки исправить в ходе войны.

Из всех видов боевой подготовки наиболее слабой оказалась строевая выучка. Наши программы мирного времени да и уставы явно недооценивали значения строевой подготовки. Ее роль на войне значительно выше, чем мы предполагали. Мы много лишних потерь понесли, много упустили возможностей из-за недостаточной строевой выучки, строевой дисциплины.

На всем театре Западного фронта я ни разу не видел движения колонны в ногу. Обычно часть в походе представляет собой гнусную картину. Вместо строя — толпа, никем не управляемая... При появлении даже отдельных самолетов колонна самостоятельно разбегается... сбор идет медленно и не на свои места...

Мы допустили очень большую погрешность, много умничали, выдумывали хитрые вещи, а таких средств управления, как свисток — забыли... О дисциплине у нас говорит каждый школьник, каждый боец понимает ее необходимость и может на эту тему умную вещь сказать, а дисциплины нет... У нас и программы всегда на первый план выдвигают знание, а профессиональных навыков, чтобы все, что касается строя, приемов с оружием, владения оружием было доведено до автоматизма, чтобы была выработана такая привычка, при которой любое строевое построение, любой прием с оружием был бы выполняем без работы мозга — нет... Надо у командиров и бойцов привить эту чудесную силу привычки. Легче будет. Это не воскрешение павловских времен, я хочу только, чтобы не было забыто суворовское правило. Он, как известно, не был сторонником павловской муштры, но был очень строг к боевому строю. Как встать, как идти, как атаковать, и все строевые перестроения он проделывал бесконечное количество раз, чтобы добиться четкости, гибкости строя. В старой армии место в строю почиталось священным, а еще ранее, — его не покидали и при разрыве снарядов. Значение это и сейчас имеет очень большое. Приучим к строгости строя, к сохранению своего места в боевом порядке, нам не надо будет затрачивать тех усилий, какие затрачивает командир во время боя на то, чтобы удержать людей на позиции.

Строевые занятия рассматривать как первую и наиболее важную часть тактики. Строевые занятия должны вестись ежедневно и не попутно, а с выделением для этого специальных часов... Переделать строевой устав.

3. В стрелковой подготовке у нас выявились те же недостатки, что и в строевой. Главное, нет твердых навыков во владении оружием. Особенно плохо владеют автоматической винтовкой. Красноармейцы легко бросают ее и почти всегда готовы заменить ее на 50-летнюю старушку, на нашу трехлинейную винтовку. А немцы наоборот любят нашу автоматическую винтовку. Главное, за что она не пользуется должным уважением у красноармейцев, — это потребность в ее большом уходе. Как только загрязнится патронник, она не выбрасывает гильзы; при помощи руки отрывается закраина гильзы, и тогда надо доставать шомпол. Я лично находил несколько автоматических винтовок, брошенных на поле боя с обломанной закраиной гильзы.

Меткость огня нашей пехоты неплохая, но в этой войне винтовка и пулемет объявили заговор молчания. Тенденция к росту артиллерийского огня выявилась еще в прошедшие войны, но то, что мы видим в этой войне превзошло все ожидания. Для стрелкового оружия одного боекомплекта хватает на 20 дней боя (100 патронов на 20 дней), или 5 патронов в день на одну винтовку. В то время, как дивизионная артиллерия расходует от 3 до 20 боекомплектов за 20 дней боя. С увеличением калибра растет расход снарядов. Война из-за укрытия. В этом виден упадок военного искусства. Обстрелянные красноармейцы, идя в бой, не запасаются патронами. Они знают, что до них дело не дойдет.

Как вывод по огневому делу надо считать: стрельбе в спокойных условиях наша пехота обучена хорошо... Сноровитости во владении оружием совершенно не достаточно...

4. Тактика: Наша военная литература, уставы, наставления, инструкции по военному делу являются передовыми и, в целом, опыт войны подтвердил их жизненность. Недостатки наши проистекают от слабого знания уставов и плохого выполнения их. От уставной разнузданности. Каждый сам себе авторитет.

Наибольшие недостатки выявились у нас в управлении войсками, особенно в первый период. Штабы всех степеней располагались далеко от войск. Больше почему то заботясь о безопасности и связи с высшим штабом, чем об управлении войсками. Линии связи длинные, ненадежны, а все, даже хорошие мероприятия, — запаздывают. Если бы штаб 19 сд управлял как следует, а генерал Котельников был бы ближе к войскам, — не было бы ельнинской занозы, приковавшей к себе внимание на 26 дней двух фронтов.

Августовская катастрофа 22-й армии обязана исключительно плохому управлению. При этом штаб за всю десятидневную операцию не допускал к себе противника ближе, чем на два десятка километров, и может «гордиться», что растеряв всю армию, не имеет потерь в штабе. Командарм т. Ершаков в эти критические дни не был в штабе, он с членом военного совета на месте руководил войсками, организовывал выход из окружения. Чем помог ему его штаб: прорыв противника через Западную Двину у Ивашково и у Железово обязан тем же причинам.

Артиллеристы далеко располагаются со своими командными пунктами и вследствие этого — стрельба по площадям. Мелкие огневые точки противника безнаказанно сидят в щелях и наносят огромные потери героической пехоте. В общем, я повторяю, что артиллерия у нас сильнее, чем у противника, но тем не менее на ее совести лежит не одна сотня лишних потерь. По вине артиллерии 89-й сд упущена была победа 24 июля на реке Воть у Капыровщина.

В бою решающее значение на устойчивость войск имеет наличие командира. Даже в хороших войсках, как только выбыл командир, сейчас же намечается тенденция к отходу. Войска значительно лучше себя чувствуют в бою, если видят перед собой командира. В этом нового ничего нет, однако новым является все то, что хорошо забыто...

Все еще много у нас фронтальных атак, мы еще недостаточно научились бить противника его же методами. Искать фланги, стыки, промежутки, врываться в глубину расположения противника и выходить на его тылы. Слабости противника достаточно выявились, надо по ним и ударять. Он боится ночи — значит она наш союзник; он боится штыка — навязывай ему, но так, чтобы не истечь самому кровью, пока донесешь до противника штык. «Воюют не числом, а умением», — говаривал Суворов. Мы часто по воробьям бьем из пушки. Перед отдельными автоматчиками развертываем батальон, несем потери, теряем время, а враг уходит.

Не без успеха войсками применяется следующий тактический прием. Известно, что немцы в огромном большинстве случаев открывают огонь из всех своих средств по первым появившимся бойцам. Так вот, используя эту слабость, части 152 сд под Ярцево высылали на участке батальона взвод для разведки боем, держали для сковывания противника с фронта один-два взвода, а остальными силами проникали во фланг и добивались победы.

Противник, отходя, оставляет для действия в нашем тылу мелкие группы одиночек с автоматами; причем эти автоматчики ведут себя смирно, пока продолжается отход, но как только начинается контратака, все в тылу заговорит. Это особенно тяжело действовало на уставшие войска или еще не обстрелянные. Особенно плохо, когда не оказывалось нужной глубины. Война выявила необходимость резервов в батальоне, полку, дивизии. Перед Бородино Кутузов сказал: «Генерал, сохранивший резерв, непобежден». Это правильно и для наших дней. В этом вопросе мы допустили ошибку, изгнав из устава понятие резерва, а на занятиях

наказывали тех, кто забывал поставить задачу второму эшелону. Мы все в мирное время были умнее Наполеона, все заранее хотели предвидеть — не вышло.

Решающее значение имеет организация взаимодействия. Это все знают, но плохо делается. Главное, у войск никогда не оказывается нужного времени. Надо схему взаимодействия упростить, приблизить дивизион к батальону. Надо помнить, что артиллерия стреляет далеко, но не издалека. Танкистов также приблизить к пехоте. Кроме этого, все рода войск должны помнить, что они работают на пехоту, в интересах ее, и что если их работу не использует пехота, работа пропадет даром. В основу ближнего боя пехоты положить стремительность. Оправдалось уставное требование. Артогонь противника равносильна команде — «вперед»... Обстрелянные войска это знают...

Хорошая ориентировка и знание абсолютно всеми бойцами своей задачи — имеют особое значение в ближнем бою... Инициатива, активность играют выдающуюся роль... раз ворвался в расположение врага, вызвал его замешательство, — не давай опомниться. Великие полководцы — Суворов, Ганнибал — в эти минуты боя накаляли солдат до экстаза. Поражай со всей силой, со всей энергией, противник тоже не спит, упустишь — сам погибнешь. В ближнем бою пехота встретится с танками противника, — не надо бояться. Практика показала, что хорошая пехота страшнее танкам, чем они ей. Связка гранат, бутылка с горючей смесью, меткий огонь, — все против танка. А если ничего этого нет — ложись в первую канаву, в траву, просто на землю, — только не бежать. Танкист мелкую цель плохо видит. Бой в окопе, в лесу, в деревне, в городе, везде будут свои особенности, но всюду нужно крайнее напряжение сил. Чем более стесненная обстановка, тем больше изворотливости. Больше самостоятельности, главное на ближайшее время — больше наносить потерь.

5. Великие Луки, Гомель, Киев — игра в поддавки. Если приграничное сражение — результат неожиданности, ошибка ЗапОВО и ПриБОВО в выносе развертывания к границе, то в последующем было время для принятия плана в соответствии с большим, гениальным решением готовить линию отпора на рубеже Осташков, Дорогобуж, Рославль. По этой линии рубеж можно было протянуть до Черного моря. На этой линии при условии вывода войск на нее сохраненными, мы сильнее были бы немца.

Удерживая Ленинград, Москву, Донбасс, — у нас сохраняются шансы на победу.

6. Выше я отметил высокое моральное состояние наших частей. Однако эта, в общем, прекрасная картина не должна отвлекать нашего внимания от деталей. Есть и темные пятна. В этой войне больше, чем в прошлых войнах распространено позорное явление членовредительства. Судебная практика знает много случаев, кроме саморанения — ранение по уговору друг друга. Это наследие темного прошлого. Оно передается, как зараза. Несколько случаев выявлено наследственных. Отец по членовредительству ушел из старой армии в 1914–1917 гг., сын повторил его способ в наши дни. Есть целые районы зараженные, которые во всех войнах прибегают к этому способу.

Материал, отобранный на 20 тыс. человек, прошедших госпиталя Западного фронта, дает любопытную картину. Пулевых ранений — 45%, тогда, как участие ружейно-пулеметного огня ничтожно. Особенно интересными являются ранения в конечности, достигающие 77%, из них в верхние — 67%, в нижние — 33%. При этом из числа раненых в верхние конечности 65% — в левую руку. «Леваки», как их принято называть. Уже в этом небрежном названии лежит недоверие.

Еще интереснее другой показатель — кривая убитых начсостава, младшего комсостава, красноармейцев почти совпадает, а вот среди раненых, младшего комсостава — в полтора, а красноармейцев в два раза больше, чем начсостава. Такую же картину мы имеем и среди пропавших без вести... Трудно сказать, но на основе своих личных наблюдений, осмелюсь утверждать, что саморанения мы имеем не менее 10% от общей цифры раненых.

Есть над чем подумать. Что касается вообще потерь, то они неимоверно велики. За всю японскую войну 1904–1905 гг. русская армия потеряла около 180 тыс. чел. В мировую войну 1914–1917 гг. среднемесячные потери русской армии составили — 175 тыс. чел. Потери в этой войне значительно возросли. Только по одному Зап. Фронту за август месяц, сравнительно спокойный, мы потеряли (не считая пропавших без вести) — 96 128 чел. — 14,6%, а за десять дней сентября с 1 по 10.09. — 37 808 чел. — 5,8% от всего численного состава фронта. Можно себе легко представить какова убыль в строевых частях. Это результат не только участия больших масс, но и следствие плохой выучки.

7. Война выявила целый ряд организационных ошибок. Вначале пехота оказалась перегруженной техникой. Вкрапление минометов в пехотные подразделения оказалось нежизненным. Ротный миномет постигла та же участь, что и пулемет «Максим» в конце первой мировой войны, — солдаты запрещали пулемету стрелять. «Не дразни немца», — кричали они. Такие же случаи мы имеем сейчас с ротным минометом. Массирование их в отдельном подразделении, полку — во всех отношениях предпочтительнее.

Штабы сильно раздуты. Их уже немного сократили, но к этому делу мы подходим очень робко. Скорее согласимся дивизию расформировать, чем вычеркнуть из штатов штаба должность одного делопроизводителя.

А сколько дублирования. Еще более чудовищные формы приняла охрана штабов. Помимо штатных частей, привлекаются подразделения от войск. Я уже не говорю о том, что части, охраняющие штабы держаться в полном комплекте, когда в ротах не остается и по 10 человек. Утверждаю, что кроме пользы ничего не будет, если сократим еще все штабы на 30–35 %...

Начальствующий состав в основной своей массе выявил чудесные качества преданности, любви к Родине, беззаветной храбрости и героизма. Это — золотой фонд страны, особенно старшее звено. Однако и по начсоставу много вопросов не доработано.

Прежде всего слаба строевая выучка, и нет любви к строю. Очень легко смешиваются с общей массой и командира не видно... Были случаи, когда отдельные командиры уходили от своих подразделений, оставляя красноармейцев на волю случая. В первый период войны срывание знаков различия, петлиц — приняло широкие размеры. Даже часть старшего комсостава была подвержена этому позорному явлению. Много полезного было сделано после финской кампании, но не все успело внедриться. Что нужно сделать?

а) Повысить строевую выучку, внешний вид командира, привить любовь к строю, повысить требовательность. Для этого в училища послать старых унтеров.

б) Я считаю, что мы допустили ошибку, переделав петлицы командиров на защитный цвет. Наши знаки различия мирного времени не отличались яркостью. На 300–400 метров их не видно ни простым глазом, ни в бинокль. Зато командир для своих войск был бы лучше виден, а устойчивость войск... обуславливается наличием командира. Я бы увеличил яркость в одежде командира.

Политсостав ведет себя героически, и он правильно нашел свое место в бою. В большинстве случаев, политсостав является лучшим помощником в бою и берет на себя наиболее опасные участки и личным примером воодушевляет войска... Зато в штабах нет достойного дела для комиссаров. Считаю, что не оправдано назначение комиссаров в отделы. Во всех штабах, начиная от дивизии и заканчивая штабом фронта надо оставить одного комиссара штаба для всего управления...

г) Ввести в дисциплинарный устав статью, по которой начсостав, снявший петлицы и знаки различия, тем самым перешел в разряд рядовых, что и отдается приказом непосредственного начальника.

д) Установить на время войны сокращенные сроки выслуги для получения очередного воинского звания: для среднего начсостава в три раза, для старшего — в два; за выдающиеся заслуги в боях очередное воинское звание может быть присвоено независимо от срока.

е) Установить высшую награду — дважды герой — герой героев, дающее право после войны на бесплатную квартиру в любом месте Советского Союза и оклад содержания в случае его нетрудоспособности или желания выйти в отставку. Вот, на мой взгляд, те предварительные уроки, которые можно извлечь из опыта первых трех месяцев войны.

Приложения:

Ведомость расходования б/п за 20 дней с 20.08 по 10.09.

Ведомость потерь за август и 10 дней сент.

Диаграмма потерь в процентах.

Диаграмма по видам ранений

Диаграмма ранений по видам оружия.

(Не публикуются)

24 сентября 1941 г.

Генерал-лейтенант С. Калинин

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27

¹ Киселев О.Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. / отв. ред. А.О. Чубарьян, рук. авт. колл. М.Ю. Мягков, сост. Ю.А. Никифоров. М., 2005. С. 438–439

² Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 52–53

³ Киселев О.Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. / отв. ред. А.О. Чубарьян, рук. авт. колл. М.Ю. Мягков, сост. Ю.А. Никифоров. М., 2005. С. 439

⁴ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 53

⁵ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 53

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (Далее ЦАМО РФ). Ф. 229. Оп. 161. Д. 148. Л. 5–12

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 104

⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 104

⁹ Великая Отечественная война 1941–1945. Указ. соч. С. 119

¹⁰ Анфилов В.А. Грозное лето 1941 года. М., 1995. С. 100–101

- 11 Анфилов В. А. Указ. соч. С. 97
- 12 ЦАМО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 307–314
- 13 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302
- 14 Анфилов В. А. Указ. соч. С. 103
- 15 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 343–346
- 16 ЦАМО РФ. Ф. 208, Оп. 2511, д. 36. Л. 1
- 17 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Л. 52–54
- 18 US. Library of Congress. Manuscript Division. Volkogonov Collection. Reel 4.
- 19 РГВА Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339
- 20 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 52
- 21 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 19
- 22 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 441
- 23 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 9
- 24 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 164
- 25 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 13
- 26 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 3
- 27 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 18–19
- 28 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 104–105
- 29 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 16
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 21, 25
- 31 Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 43–44
- 32 РГВА Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339
- 33 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М., 2009. С. 78
- 34 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 147
- 35 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302
- 36 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 343–346
- 37 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 75–76
- 38 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 442–443
- 39 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 31–39
- 40 Гот Г. Танковые операции. — М.: Воениздат, 1961
- 41 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 443
- 42 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 154
- 43 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 76
- 44 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 154
- 45 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 155
- 46 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 444
- 47 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 3–9
- 48 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 165–167
- 49 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 2
- 50 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 159
- 51 ЦАМО РФ. Ф. 229, Оп. 161, Д. 24. Л. 8
- 52 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 444
- 53 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 80
- 54 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 164
- 55 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 164
- 56 Киселев О. Г. Приграничные сражения. // Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 445
- 57 Мартов В. БЕЛОРУССКИЕ ХРОНИКИ, 1941 ГОД (http://vitebsk.net/i40/mart41_1.htm)
- 58 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2. Л. 19–20
- 59 Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995, с. 308.
- 60 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 25–27
- 61 Сталин И. В. Сочинения. — Т. 18. — Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 237–240.
- 62 ЦАМО. Ф. 208, Оп. 2511, д. 20. Л. 81–82

- ⁶³ ЦАМО Ф. 16. Оп. 973. Д. 7. Л. 282–285
- ⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 946. Д. 63. Л. 3–4
- ⁶⁵ Еременко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 96–97
- ⁶⁶ Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 55–56
- ⁶⁷ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 82
- ⁶⁸ цит по: Асташин Н. А. Оборона Заполярья // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М: Олма-Пресс, (выход в свет 2010).
- ⁶⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 81
- ⁷⁰ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 82
- ⁷¹ Киселев О. Н. Карелии оброна // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 256–257
- ⁷² Дашичев В. И. банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 198
- ⁷³ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 10
- ⁷⁴ Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 182–183
- ⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 43–47
- ⁷⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 130
- ⁷⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 30–33
- ⁷⁸ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 208
- ⁷⁹ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 210
- ⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 83–87
- ⁸¹ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 212
- ⁸² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 1–14
- ⁸³ Самсонов А. М. Москва, 1941 год. От трагедии поражений — к великой победе. М., 1991. С. 44
- ⁸⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. С.
- ⁸⁵ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 214–215
- ⁸⁶ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 152–153
- ⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 158
- ⁸⁸ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 201
- ⁸⁹ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 234–235
- ⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 81. Л. 116
- ⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 5. Л.
- ⁹² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 9. Л. 41–43
- ⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8439. Д. 4. Л. 27
- ⁹⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 91
- ⁹⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 352–353
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 176–180
- ⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3408 сс. Д. 15. Л. 431
- ⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3408 сс. Д. 15. Л. 431
- ⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206
- ¹⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206
- ¹⁰¹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 85
- ¹⁰² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 195
- ¹⁰³ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 85
- ¹⁰⁴ Мухин Ю. Ученик // Дуэль. 1997. № 4
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 103. Л. 79–87
- ¹⁰⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1. С. 369
- ¹⁰⁷ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда/ пер. с англ. М., 1996. С. 359–360
- ¹⁰⁸ КАЛИНИН Степан Андрианович (1890–1975), генерал-лейтенант (1940). Участник первой мировой войны, унтер-офицер. С 1918 г. — в Красной Армии. Участник гражданской войны, командир бригады. В 1922–1938 гг. — командир дивизии, корпуса, зам. Начальника штаба военного округа, зам. Командующего и командующий военным округом. С 1938 г. — командующий Сибирским военным округом. Во время Великой Отечественной войны — командующий 24-й армией (июнь-июль 1941 г.), 66-й армией (август 1942 г.), командующий войсками военных округов. В июне 1944 г. отстранен от должности и арестован. Приговорен к длительному сроку тюремного заключения и лишен воинского звания. В 1953 г. реабилитирован, восстановлен в звании и уволен в запас.
- ¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27